

Память 09 августа (ст. стиль 27 июля)

Страдание святого великомученика Пантелеимона

Когда царствовал нечестивый Максимиан¹, жестокий мучитель христиан, и когда почти вся вселенная была покрыта тьмою идолопоклоннического нечестия повсюду на верующих во Христа воздвигнуто было великое гонение и мученически скончалось много исповедников пресвятого имени Иисуса Христа, тогда пострадал за Христа в Вифинской стране² в городе Никомидии³ и святой великомученик Пантелеимон.

Этот преславный среди мучеников страстотерпец Христов родился в том же городе Никомидийском от знатного и богатого отца, по имени Евсторгия и от матери Еввулы. Отец его, по своей вере был язычник, горячо прилежавший к идолопоклонству; мать — христианка, от прародителей своих наученная святой вере и усердно служившая Христу. Итак, соединенные телесно были разделены духовно: он приносил жертвы лживым богам, она приносила "жертву хвалы" истинному Богу. Родившегося же у них отрока, о

котором наше слово, называли Пантолеоном, что значит: во всём лев, ибо предполагалось, что мужеством он будет подобен льву. Но, впоследствии, отрок был переименован Пантелеимоном, то есть всемилостивым, потому что всем оказывал милосердие, когда без платы лечил больных или подавал милостыню нищим, щедрою рукою раздавая нуждающимся отцовское богатство.

С раннего детства мать воспитывала отрока в христианском благочестии, научая познанию единого истинного Бога, живущего на небесах, Господа нашего Иисуса Христа, чтобы он веровал в Него и угождал Ему добрыми делами, отвращаясь языческого многобожия. Отрок внимал наставлениям матери и усваивал их, насколько возможно было по его отроческим летам. Но, какая утрата и лишение! добрая его мать и руководительница в молодых годах отошла ко Господу, оставив отрока еще не пришедшим в совершенный разум и возраст. После ее смерти отрок легко пошел по следам отцовского заблуждения; отец часто приводил его на поклонение к идолам, утверждая в языческом нечестии.

Затем отрок был отдан в грамматическую школу, а когда он с успехом прошел курс всего внешнего языческого любомудрия, отец отдал его одному славному врачу Евфросину в медицинскую школу, дабы он получил навык в врачебном искусстве. Отрок, будучи восприимчивого ума, легко усваивал то, чему его учили и, вскоре превзошедши своих сверстников, мало чем не сравнялся и с самим учителем: к тому же он отличался поведением, красноречием, красотой и на всех производил приятное впечатление; был он известен и самому царю Максимиану. Ибо Максимиан жил в то время в Никомидии; предавая христиан мучению, он сжег их 20 000 в церкви⁴, в день Рождества Христова умертвил епископа Анфима⁵, и многих, после различных мучений, предал различного рода смерти. Врач Евфросин часто приходил с лекарствами в царские палаты мучителя или к нему самому или к его придворным, потому что врач этот давал средства от болезней всему царскому двору. Когда Евфросин приходил к царю во дворец, его сопровождал и отрок Пантолеон, следовавший за своим учителем, и все удивлялись красоте и доброму разуму отрока. И царь, увидев его, спросил:

— Откуда он и чей сын?

Получив ответ, царь приказал учителю скорее и как можно лучше научить отрока всему врачебному искусству, выразив желание иметь его при себе всегда, как достойного

предстоять пред царем и служить ему. В то время юноша приходил уже в совершенный возраст.

В те дни был в Никомидии старец пресвитер, именем Ермолай⁶, из страха пред нечестивыми укрывавшийся с немногими христианами в маленьком и незначительном доме. Путь Пантолеона, когда он шел из своего дома к учителю и обратно, лежал мимо жилища, в котором укрывался Ермолай. Видя в окошечко юношу, часто проходящего мимо, Ермолай из лица и взгляда его познал его добрый нрав; уразумев духом, что юноша будет избранным сосудом Божиим, Ермолай вышел однажды на встречу юноше и упросил его на самое малое время зайти к нему в дом. Кроткий послушный юноша вошел в дом старца. Посадив его около себя, старец спрашивал его о происхождении и родителях, о вере и о всём образе его жизни. Юноша всё рассказал подробно и сообщил, что его мать была христианка и умерла, а отец жив и, согласно языческим законам, почитает многих бесов. И спросил его святой Ермолай так:

– Ну, а ты, доброе чадо! к какой стороне и вере хотел бы принадлежать, отцовской или матерней?

Юноша ответил:

– Моя мать, пока была жива, учила меня своей вере, и я возлюбил ее веру. Но отец, как более сильный, принуждает меня исполнять языческие законы желает водворить меня в царской палате в чине близких и сановных воинов и слуг царя.

Святой Ермолай спросил опять:

– А в каком учении наставляет тебя твой учитель?

Юноша передал так:

– Учение Асклепиада, Иппократа и Галена⁷; так, именно, хотел отец мой, да и учитель говорит, что если я усвою учение этих, то легко могу лечить всякие болезни у людей.

В последних словах святой Ермолай нашел повод к полезной беседе и начал в сердце юноши, как на доброй земле, сеять доброе семя Божиих словес:

– Верь мне, – обратился он, – о, добрый юноша! – я говорю тебе одну истину; учение и искусство Асклепиада, Иппократа и Галена ничтожно и мало могут помогать прибегающим к ним. Да и боги, которых царь Максимиан и твой отец и прочие язычники почитают, суежны и не что иное, как баснословие и обман для слабоумных. Истинный же и всемогущий Бог есть един – Иисус Христос, в Которого если ты будешь веровать, то будешь исцелять всякие болезни одним призыванием Его Пречистого имени. Ибо Он слепым давал зрение, прокаженных очищал, мертвых воскрешал; бесов, которым язычники поклоняются, изгонял из людей одним словом; не только Сам Он, но и одежды Его подавали исцеление: ибо жена, двенадцать лет одержимая кровотечением, едва только прикоснулась к краю одежды Его, тотчас исцелилась. Но кто может подробно рассказать о всех чудесных действиях Его? Как невозможно исчислить песок морской, небесных звезд и капель воды, так нельзя исчислить чудес и измерить величие Божие. И теперь Он – Помощник крепкий Своим рабам, утешает печальных, исцеляет больных, избавляет от бедствий и освобождает от всех вражеских зол, не ожидая, что будет умолен тем или другим. но предупреждая молитвы и даже сердечное движение. Силу совершать всё это дает и тем, которые любят Его и посылает им дар еще больших чудотворений; наконец дает бесконечную жизнь в вечной славе небесного царствия.

Пантолеон веровал этим наставлениям святого Ермолая, как истинным, принимая в свое сердце; с радостью он углублялся в них умом и сказал он святому старцу:

– Я много раз слышал это от матери моей и часто видел, как она молилась и призывала того Бога, о Котором ты мне рассказываешь.

С этого дня Пантолеон каждый день приходил к старцу и наслаждался его богодухновенными беседами, укрепляясь в познании истинного Бога. И когда он возвращался от своего учителя Евфросина, то не раньше приходил домой, как посетив старца и приняв от него душеполезные наставления.

Однажды случилось ему, когда на обратном пути от учителя он свернул несколько в сторону, найти мертвого ребенка, укушенного огромною ехидною, и самую ехидну, лежавшую тут же близ ужаленного. Видя это, Пантолеон сначала испугался и немного отступил, а потом подумал сам в себе так:

– Теперь пришло время испытать мне и убедиться, истинно ли всё, что говорил старец Ермолай.

Взглянув на небо он произнес:

– Господи Иисусе Христе, хотя я и недостойн призывать Тебя, но если ты хочешь, дабы я сделался рабом Твоим, яви силу Твою и сделай так, чтобы во имя Твое, отрок этот ожил, а ехидна издохла.

И тотчас отрок, как будто от сна, встал живым, ехидна же расселась пополам. Тогда Пантолеон, совершенно уверовав во Христа, обратил свои телесные и духовные очи к небу и благословил Бога с радостью и слезами за то, что Он вывел его из тьмы к свету познания Своего. Быстро пошел он к святому Ермолаю пресвитеру, припал к его честным стопам, прося крещения. Он рассказал ему о случившемся, как мертвый отрок ожил силою имени Иисуса Христа и как погибла ехидна, причинившая смерть. Святой Ермолай, оставив дом, пошел с ним взглянуть на издохшую ехидну и, увидев, благодарил Бога за совершенное чудо, через которое Он привел Пантолеона к Своему познанию. Возвратясь домой, он крестил юношу во имя Отца и Сына и Святого Духа, и, совершив литургию во внутренней своей комнате, причастил его Божественных Таин Тела и Крови Христовых.

По крещении Пантолеон оставался при старце Ермолае семь дней, поучаясь от божественных слов, сообщаемых ему устами старца и благодатью Христовой: как из источника живой воды утучнял он свою душу к изобилию духовных плодов. На восьмой день он пошел к себе домой, и отец его спросил у него:

– Сын мой, где ты пробыл столько дней; я беспокоился о тебе?

Святой ответил:

– Был с учителем у царя во дворце, – лечили больного, которого царь очень любит, и не отходили от него семь дней, пока не возвратили ему здоровье.

Так говорил святой и говорил не ложь, но под видом притчи сообщая истину таинственно и иносказательно: в уме своем учителем называл он святого Ермолая пресвитера, под царской палатой разумел он тот внутренний покой, в котором совершалось божественное таинство, а больным называл свою душу, которую возлюбил небесный Царь и которая была пользуета семь дней духовным врачеванием.

Когда следующим утром он пришел к учителю Евфросину, тот спросил у него:

– Где ты пропадал столько дней?

– Отец мой, купив имение, послал меня принять его, и я замедлил, внимательно осматривая всё, что там есть: потому что оно куплено за дорогую цену.

И это он говорил иносказательно о святом крещении, которое он принял, и о прочих таинствах христианской веры, которые он узнал и которые все необычайной цены, превосходящей всякие богатства, ибо они приобретены кровью Христовою. Услышав это, Евфросин прекратил свои расспросы. Пантолеон же блаженный преисполнен был благодати Божией, нося внутри сокровище святой веры. Он сильно заботился об отце своем, как бы извести его из тьмы идолобесия и привести к свету познания Христа и каждый день, беседуя с ним с мудростью притчами и вопросами, говорил ему:

– Отец! почему боги, сделанные стоящими, как сначала поставлены, так и до нынешнего дня стоят, никогда не садятся; сделанные же сидящими до нынешнего дня сидят и никогда не встают?

– Не совсем ясен и мне вопрос твой, – отвечал отец, – и сам не знаю, что на это отвечать.

Святой же, постоянно предлагая и другие, подобные этому, вопросы отцу, заставлял того сомневаться в своих богах и понемногу понимать ложь и заблуждение идолопоклонства; отец уж перестал так почитать идолов, как почитал их прежде, принося им каждодневно многочисленные жертвы и поклонение, а начал презирать их и не поклоняться им. Видя это,

Пантолеон радовался, что хотя возбудил в отце сомнение относительно идолов, если не успел совершенно отвратить его от них. Не раз хотел Пантолеон разбить идолов отца своего, коих много было в его дому, но удерживался, частью чтобы не прогневать отца своего, которого, согласно заповедям Божиим, должно почитать, отчасти ожидал, когда отец, познавши сам истинного Бога, захочет своею рукою сокрушить их.

В то время привели к Пантолеону слепого, просившего об исцелении таким образом:

– Умоляю тебя, пощади меня, ослепленного и лишенного драгоценного света; все врачи, какие только есть в этом городе, лечили меня и не получил я от них никакой пользы, но и последних проблесков света, какие я мог видеть, лишился я вместе со всем моим имуществом; ибо много потратил я, награждая их, и вместо исцеления получил от них только вред и потерю времени.

Святой возразил ему:

– Если ты всё имущество раздал тем врачам, от которых не получил пользы, то чем вознаградишь меня, если получишь исцеление и прозреешь?

– Всё последнее немногое, – воскликнул слепец, – что у меня осталось, с готовностью отдам тебе.

Святой произнес:

– Дар прозрения, открывающий для тебя свет, даст тебе Отец светов, истинный Бог через меня, недостойного раба Своего, а ты обещанное не мне отдай, а раздай нищим.

Услышав это, Евсторгий, отец Пантолеона, сказал ему:

– Сын мой! не решайся касаться такой вещи, которой ты не можешь сделать, иначе ты будешь осмеян: что, в самом деле, можешь ты сделать больше лучших тебя врачей, которые лечили его и не могли вылечить?

– Никто, – возразил святой, – из врачей тех не знает, какое средство применяется в данном случае, как знаю я, ибо огромное различие между ними и между учителем моим, который открыл мне это средство.

Отец его, думая, что он говорит об учителе Евфросине, заметил:

– Я слышал, что и учитель твой пользовал этого слепца и ничего не мог сделать.

– Подожди немного, отец мой! – ответил Пантолеон, – и увидишь силу моего врачевания.

С этими словами он коснулся пальцами глаз слепого, сказав:

– Во имя Господа моего Иисуса Христа, просвещающего слепых, прозри.

Тотчас открылись очи слепого – и он стал видеть. И в ту минуту отец Пантолеона, Евсторгий вместе с прозревшим человеком, уверовали во Христа и были крещены святым пресвитером Ермолаем, и преисполнились они великой духовной радости о благодати и силе Христовой.

Тогда Евсторгий начал сокрушать в своем доме всех идолов, в чем помогал ему и сын его святой Пантолеон; раздробив идолов на части, они бросили последние в один глубокий ров и засыпали землею. Прожив, после этого недолгое время, Евсторгий преставился ко Господу. Пантолеон же, сделавшись наследником весьма богатого отцовского имения, тотчас даровал свободу рабам и рабыням, щедро наградив их; имущество же стал раздавать нуждающимся: убогим, нищим, вдовам и сиротам. Он обходил темницы и, посещая всех тех, которые страдали в оковах, утешал их врачеванием и подаванием того, в чем они нуждались; таким образом, он был врачом не только ран, но и бедноты человеческой; ибо все принимали от него неоскудную милостыню; нищие обогащались от его щедрот; а в лечении помогала ему благодать Божия. Ибо ему дан был свыше дар исцеления и он безмездно исцеления и он безмездно исцелял всякие болезни не столько аптекарскими средствами, сколько призыванием имени Иисуса Христа. Тогда-то Пантолеон явился, в действительности, Пантелеимоном, то есть всемилостивым, и по имени, и на деле оказывая всем милость и не отпуская от себя никого без подаяния или не утешенным, ибо недостаточным вручал вспоможения, а больных безмездно лечил. Обратился к нему весь город с своими больными, оставив всех прочих врачей, ибо ни от кого не получалось столь

скорох и совершенных исцелений, как от Пантелеимона, успешно лечившего и ни от кого не принимавшего платы. И стало известно имя всемилостивого и безмездного врача во всём народе, а прочие врачи осуждались и осмеивались. Вследствие этого возникла со стороны врачей по отношению к святому немалая зависть и вражда; началась она еще с того времени, когда прозрел вышеназванный слепец. Дело возникло следующим образом.

Однажды, когда этот слепец, прозревший благодаря святому Пантелеимону, шел по городу, увидели его врачи и говорили про себя:

– Не это ли тот, что был слеп и искал у нас исцеления и мы не могли вылечить его? как же он теперь видит? кто и какими средствами исцелил его и открыл ему глаза?

И спросили его самого, как он прозрел? И тот человек не скрыл, что врачом его был Пантелеимон. Те, зная, что он был учеником Евфросина, сказали:

– Великого учителя великий ученик.

Не знали, что через Пантелеимона действовала сила Христова и, не догадываясь, исповедали истину, что Пантелеимон – великий ученик великого учителя – Иисуса Христа. Но хотя устами они лицемерно и похваляли святого, а между тем в сердцах своих от зависти задумывали злое и наблюдали за святым, отыскивая против него какое-нибудь обвинение, чтобы его погубить. И заметив, что он ходит в темницы и здесь исцеляет язвы учеников, страдающих за Христа, заявили Максимиану мучителю:

– Царь! юноша, которого ты повелел научить врачебному искусству, желая иметь его при себе в твоей палате, презрев твою столь очевидную к нему милость, обходить темницы, врачую узников, хулящих богов наших, одинаково с ними мудрствуя о наших богах и других склоняя к тому же зломудрствованию. Если ты не погубишь его в скором времени, то не мало причинишь себе беспокойства, потому что увидишь, как многие, благодаря его прельщающему учению, отвратятся от богов. В самом деле, врачебное искусство, которым Пантолеон исцеляет, он приписывает не Эскулапу⁸ или другому из богов, а какому-то Христу и все, кого он лечит, веруют в Него.

Так говорили клеветники, умоляя царя, чтобы он приказал призвать, исцеленного Пантолеоном, слепца в удостоверение и точное свидетельство справедливости их слов. И царь тотчас приказал отыскать того прозревшего слепца и, когда тот был приведен, спросил его:

– Скажи, человек, как Пантолеон исцелил твои глаза?

Тот отвечал:

– Призвал имя Христово, коснулся глаз моих, и я тотчас прозрел.

– А ты как думаешь, – обратился к нему царь, – Христос тебя исцелил или боги?

– Царь! – отвечал он, – врачи эти, которых ты видишь вокруг себя, прилагали много забот и в течение долгого времени к моему излечению; они взяли всё мое имущество и не только не принесли мне никакой пользы, но лишили меня и того малого зрения, которое я имел и в конец ослепили меня. Пантелеимон же одним призыванием имени Христова сделал меня зрячим. Теперь ты уж сам, о, царь! рассуди и реши, кто лучший и настоящий врач: Эскулап ли и прочие боги, в течение долгого времени призываемые и несколько не помогшие, или Христос, только один раз Пантелеимоном призванный и тотчас давший мне исцеление.

Не зная, что на это отвечать, царь, по обычаю всех мучителей, стал принуждать его к нечестию:

– Не безумствуй, человек, и не вспоминай Христа, ибо, очевидно, что боги дали тебе возможность видеть свет.

Исцеленный же, не обращая внимания на власть царя и не боясь угроз мучителя, отвечал Максимиану дерзновеннее, чем евангельский слепец (Иоан.9:27), некогда представленный на допрос к фарисеям:

– Ты сам безумствуешь, о, царь! слепых твоих богов называя подателями зрения, и сам ты подобен им, не желая видеть истины.

Исполнившись гнева, царь приказал тотчас лишить его жизни мечом, и была усечена глава доброго исповедника имени Иисуса Христа, и он отошел, чтобы лицом к лицу в немерцающем небесном свете видеть Того, Которого исповедал на земле, получив телесное зрение. Тело его святой Пантелеимон купил у убийц и похоронил близ тела отца своего.

После того царь велел призвать к себе Пантолеона. Пока воины вели святого к царю, он пел слова псалма Давидова: **"Боже хвалы моей! не премолчи, ибо отверзлись на меня уста нечестивые и уста коварные"** (Пс.108:1-2) и далее из псалма того. Так он телом предстал пред земным царем, духом – пред Небесным.

Царь Максимиан, глядя на него без всякого гнева, кротко начал так убеждать его:

– Не хорошие вещи слышал я о тебе, Пантолеон; говорят мне, что ты всячески порицаешь и унижаешь Эскулапа и прочих богов, Христа же, погибшего злою смертью, прославляешь и на Него надеешься и Его одного называешь Богом. Тебе, кажется, не безызвестно, сколь великое я обратил на тебя внимание и сколь великую явил к тебе милость, что и в моем дворце ты принят, и учителю твоему, Евфросину, приказал в скорости научить тебя врачебному искусству, чтобы ты неотступно всегда находился при мне; ты же, презрев всё это, уклонился к врагам моим. Но, впрочем, не хочу верить тому, что говорят о тебе; потому что привыкли люди говорить много неправды. Вот почему я призвал тебя, чтобы ты сам рассказал о себе правду и обличил лживую на тебя клевету завистников, в присутствии всех, принеся, как подобает, жертву великим богам.

Святой отвечал:

– Делаю больше, нежели словам нужно давать веру, о, царь! потому что истина гораздо более познается из дел, чем из слов. Итак, поверь рассказам обо мне, что я отрекаюсь от Эскулапа и прочих ваших богов, а прославляю Христа, потому что из дел Его я познал, что он Единый Истинный Бог. Вот выслушай хотя вкратце дела Христовы: он сотворил небо, утвердил землю, воскрешал мертвых, возвращал зрение слепым, очищал прокаженных, одним словом поднимал с одра расслабленных. Что подобного сотворили почитаемые вами боги, – не знаю – и могут ли сотворить? Если же теперь хочешь узнать всемогущую силу Христову, увидишь ее действие тотчас на самом деле. Прикажи принести сюда какого-нибудь человека, лежащего на одре смертной болезни, относительно которого врачи потеряли надежду и пусть придут ваши жрецы и призовут своих богов и я призову Бога моего – и который из богов исцелит больного, тот пусть будет признан Единым истинным Богом, прочие да будут отвергнуты.

Царю понравился этот совет святого, и он приказал тотчас поискать такого больного.

И вот принесен был на постели человек, расслабленный в течение многих лет, который не мог действовать ни одним членом и был как будто какое-нибудь бесчувственное дерево. Пришли же и жрецы, – служившие идолам и опытные во врачебном искусстве, и предложили святому, чтобы он сначала призвал своего Христа.

Святой возразил им:

– Если я призову моего Бога и Бог мой исцелит сего расслабленного, то кого же будут исцелять ваши боги? Но пусть вы первые призовете ваших богов и если они исцелят больного, то не для чего будет и призывать моего Бога.

Итак жрецы начали призывать своих богов: один – Эскулапа, другой – Зевса, тот – Диану, другие – иных бесов и не было заметно ни голоса, ни внимания. И долго они упражнялись в своих богопротивных молитвах без всякого успеха. Святой же, видя их напрасное старание, посмеялся. Увидев его смеющимся, царь обратился к Пантолеону:

– Сделай ты, Пантолеон, если можешь здоровым этого человека призыванием своего Бога.

– Пусть отойдут жрецы, – сказал святой – и они отошли.

Тогда святой, подойдя к постели, возвел очи свои на небо и произнес следующую молитву:

– **"Господи! услышь молитву мою, и вопль мой да придет к Тебе. Не скрывай лица Твоего от меня; в день скорби моей приклони ко мне ухо Твое; в день, [когда воззову**

к Тебе], скоро услышь меня" (Пс.101:2-3); и яви всемогущую Твою силу перед не знающими Тебя, ибо всё возможно для Тебя, о, Царю сил!

Произнесши эту молитву, святой взял расслабленного за руку со словами:

– Во имя господи Иисуса Христа, встань и будь здоров!

И тотчас расслабленный встал, почувствовал крепость во всем теле и радовался, ходя, и, взяв свою постель, понес ее в свой дом.

Видя такое чудо, многие из предстоявших уверовали во Христа; жрецы же, служившие идолам, скрежетали зубами на раба Христова и обратились к царю с такими словами:

– Если он останется в живых, то уничтожатся жертвоприношения богам, и мы будем осмеяны христианами; погуби его, о, царь! как можно скорее.

Тогда царь сказал Пантолеону:

– Принеси, Пантолеон, жертву богам, чтобы не погибнуть понапрасну; ты знаешь, ведь, сколько людей погибло потому, что отреклись от наших богов и вследствие послушания нашим приказаниям. Разве ты не знаешь, как жестоко был мучим старец Анфим?

– Все умершие за Христа, – отвечал святой, – не погибли, а нашли себе вечную жизнь. И если Анфим, будучи стар и немощен телом, мог вынести жестокие мучения за господи нашего, тем более мне, юному и сильному телом, должно безбоязненно претерпеть все муки, на которые ты меня обречешь, ибо я буду считать жизнь пустою, если не умру за Христа, а если умру, сочту это приобретением.

Царь приказал повесить обнаженного мученика на мучилищном дереве и железными когтями строгать его тело, опаляя ребра горячими свечами. Он же, перенося эти страдания, воззрел на небо и сказал:

– Господи Иисусе Христе! предстани мне в эту минуту, дай мне терпение, дабы я до конца мог вынести мучения.

И явился ему Господь в образе пресвитера Ермолая, изрекши:

– Не бойся, Я с тобою.

И тотчас руки мучителей ослабели и как бы омертвели, так что из них выпали орудия пытки и свечи погасли. Увидев это, царь приказал снять мученика с места мук и сказал ему:

– В чем сила твоего волшебства, что и слуги изнемогли, и свечи погасли?

Мученик отвечал так:

– Волшебство мое – Христос, всемогущая сила Которого всё соделывает.

Царь возразил:

– А что ты сделаешь, если я назначу еще сильнее муки?!

– В бо^{ль}ших муках, – отвечал мученик, – бо^{ль}шую силу явит Христос мой, посылая мне бо^{ль}шее терпение на то, чтобы посрамить тебя. А я, понесши за Него более тяжкие муки, получу от него бо^{ль}шие воздаяния.

Тогда мучитель повелел растопить олово в большом котле и бросить туда мученика. Когда олово кипело, мученика подвели к котлу, он же возвел очи свои к небу и так молился:

– **"Услышь, Боже, голос мой в молитве моей, сохрани жизнь мою от страха врага; укрой меня от замысла коварных, от мятежа злодеев"** (Пс.63:2-3).

Когда он так молился, опять явился ему Господь в образе Ермолая, и, взяв его за руку, вошел с ним в котел, и тотчас огонь угас и олово остыло, а мученик пел слова псалма: **"Я же воззову к Богу, и Господь спасет меня. Вечером и утром и в полдень буду умолять и вопиять, и Он услышит голос мой"** (Пс.54:17-18). Предстоявшие дивились чуду, а царь воскликнул:

– Что же, наконец, будет, – если и огонь погас, и олово охладело? Какой же муке предам этого волшебника?

Предстоявшие посоветовали:

– Пусть он будет ввержен в морскую глубину, потому что не может же он всё море околдовать, – и тотчас погибнет.

Мучитель повелел, чтобы так и было сделано.

Слуги, схвативши мученика, повели его к морю, посадили его в лодку, навязав на шею большой камень; отплыв далеко от берега, они бросили его в море, а сами вернулись на берег. Когда святой был брошен в море, снова явился ему Христос, как и в первый раз, в образе Ермолая и стал камень, привязанный к шее мученика, легок, как лист, так что Пантелеимон держался с ним на поверхности моря, не погружаясь, но, точно посуху, ходил по водам, руководимый, как некогда Апостол Петр, десницею Христовой; он вышел на берег, воспевая и прославляя Бога и предстал царю. Царь несказанно изумился такому чуду, воскликнув:

– Какова же сила волшебства твоего, Пантолеон, что и море ты подчинил ему?

– И море, – объяснил святой, – повинуетсЯ своему Владыке и исполняет волю Его.

– Так ты и морем владеешь? – спросил царь.

– Не я, – ответил мученик, – но Христос мой, Создатель и Владыка всей видимой и невидимой твари. Он обладает как небом и землею, так равно и морем: **"Путь Твой в море, и стезя Твоя в водах великих"** (Пс.76:20).

После того мучитель повелел приготовить вне города звериный цирк, чтобы отдать мученика на съедение зверям. Весь город собрался на это зрелище, желая видеть, как прекрасного и безвинно страдающего юношу будут терзать звери. Явился сюда и царь; приведя мученика, он показывал ему пальцем на зверей с такими словами:

– Они приготовлены для тебя; итак, послушай меня, побереги твою юность, пощади красоту твоего тела, принеси жертву богам, иначе умрешь жестокою смертью, терзаемый зубами зверей.

Святой же изъявив желание лучше быть растерзанным зверями, нежели повиноваться такому лукавому совету и повелению. И его бросили зверям. Господь же и тут, явившись святому в образе пресвитера Ермолая, заградил пасти зверей и сделал их кроткими, подобно овцам, так что, подползая к святому, они лизали ноги его. Он гладил их рукою и каждый из зверей старался, чтобы рука святого коснулась его, оттесняя один другого. Народ же, видя это, изумился и громогласно восклицал:

– Велик Бог христианский! да будет отпущен неповинный и праведный юноша!

Тогда царь, преисполнившись гнева, вывел солдат с обнаженными мечами на тех, которые славили Христа Бога, и многие из народа, уверовавшие во Христа, были убиты; приказал же царь и зверей всех убить. Видя это, мученик возгласил так:

– Слава Тебе, Христе Боже, что не только люди, но звери умирают за Тебя!

И удалился царь с места зрелища, скорбя и гневаясь, а мученика бросил в темницу. Убитые люди, взятые своими, преданы были погребению, а звери были оставлены на съедение псам и плотоядным птицам. Но и тут совершилось великое чудо: звери эти много дней лежали без всякого прикосновения не только со стороны псов, но и птиц, и мало того, – трупы их не издавали запаха. Узнав это, царь приказал бросить их в глубокий ров и засыпать землею. Для мученика же приказал устроить страшное колесо, усеянное острыми спицами. Когда же к нему привязали святого и стали то колесо вертеть, тотчас колесо действием невидимой силы разлетелось на части и многих, стоявших по близости ранило, на смерть, а мученик сошел с колеса цел и невредим. И напал на всех страх, в виду таких чудес, какими Бог прославлялся в лице Своего святого. А царь сильно изумился и спрашивал мученика:

– Кто научил тебя совершать столь великие волшебные действия?

– Не волшебству, но истинному христианскому благочестию я научен, – сказал мученик, – святым мужем пресвитером Ермолаем.

– А где тот учитель твой Ермолай, – спросил царь, – хотим видеть его?

Мученик же, разумея духом, что для Ермолая приблизилось время венца мученического, ответил царю:

– Если прикажешь, я призову его к тебе.

И отпущен был святой, в сопровождении трех стерегущих его воинов призвать пресвитера Ермолая.

Когда же мученик пришел к тому дому, в котором жил пресвитер, старец, увидев его, спросил:

– Чего ради пришел ты, сын мой?

– Господин и отец, царь зовет тебя.

– Вовремя ты пришел звать меня, – сказал старец, – потому что наступил час моего страдания и смерти; ибо в эту ночь явился мне Господь и возвестил: "Ермолай! надлежит тебе много пострадать за Меня, подобно рабу Моему Пантелеимону".

С этими словами, старец радостно пошел с мучеником и предстал перед царем. Царь, увидя пресвитера, спросил его об имени. Святой же, называя свое имя, не скрыл и своей веры, громогласно называя себя христианином. Царь снова спросил его так:

– Есть ли еще кто-нибудь с тобой той же веры?

Старец отвечал:

– Имею двух сослужителей, истинных рабов Христовых, Ермиппа и Ермократа.

Тогда царь приказал и тех привести перед себя и сказал трем тем служителям Христовым:

– Это вы отвратили Пантолеона от наших богов?

– Сам Христос, – возразили они, – Бог наш тех, кого считает достойными, призывает к Себе, выводя их из тьмы идолобесия к свету Своего познания.

– Оставьте теперь, – предложил царь, – ваши лживые слова и обратите снова Пантолеона к богам, тогда и первая вина вам простится и заслужите от меня почести в такой степени, что сделаетесь ближайшими друзьями мне в моем дворце.

– Как можем мы это сделать, – с твердостью спросили святые, – если мы и сами готовимся умереть с ним за Христа Бога нашего?! Ни мы, ни он не отречется от Христа, ни тем менее принесем жертвы глухим и бездушным идолам.

Сказав это, они обратили все свои мысли к Богу и стали молиться, возведши глаза свои к небу. И свыше явился им Спаситель и тотчас произошло землетрясение и поколебалась местность та.

– Видите, как боги прогневались на вас, – провозгласил царь, – они колеблют землю!

– Ты правду сказал, – согласились святые, – что из-за ваших богов поколебалась земля, ибо они упали с своих мест наземь и разбились, низверженные силою Бога нашего, прогневавшегося на вас!

Когда они так говорили, прибежал к царю вестник из капища с известием, что все их идолы пали на землю и рассыпались в прах. Безумный же правитель, видя во всем этом не силу Божию, но волшебство христиан, воскликнул:

– Поистине, если этих волхвов не погубим в самой скорости, то весь город погибнет из-за них.

Он приказал Пантелеимона отвести в темницу, старца же Ермолая и с ним его двух друзей, подвергнув многим истязаниям, осудил на усекновение мечом. И так три святых мученика: пресвитер Ермолай и сослужившие с ним, Ермипп и Ермократ, совершив свой мученический подвиг, вместе предстали Святой Троице в славе небесной.

После убиения трех святых мучеников, царь, приказав представить перед себя святого Пантелеимона, обратился к нему с такими словами:

– Многих я обратил от Христа к нашим богам, ты один не хочешь послушать меня. Уж и учитель твой Ермолай с обоими своими друзьями поклонился богам и жертву принес им, и я почтил их почетным саном в моем дворце. Поступи и ты также, чтобы получить с ними одинаковую честь.

Мученик же, зная своим духом, что святые скончались, попросил царя:

– Прикажи им придти сюда, чтобы я видел их пред тобою.

– Нет их теперь здесь, – солгал царь, – потому что я отослал их в другой город, где они получают великое богатство.

– Вот ты, против желания, изрек истину, – разъяснил ему святой, – ты отослал их отсюда, предав смерти, и они действительно отошли в град небесный Христа получить богатства, которых невозможно видеть глазу.

Царь, видя, что мученика никоим образом нельзя преклонить к нечестию, приказал жестоко бить его и, подвергши жестоким ранам, осудил его на смерть, чтобы отсекали ему глава мечом, а тело его повелел предать огню. И воины, взявши повели его на усекновение вне города.

Святой, идя на смерть, пел псалом Давида: **"Много теснили меня от юности моей, но не одолели меня. На хребте моем орали оратаи"** (Пс.128:2-3). И так до конца слова псалма того.

Когда воины вывели мученика от города на расстояние больше, чем одно поприще, тогда пришли на место, на котором Господу угодно было, чтобы скончался раб Его; они привязали Пантелеимона к маслине и, приблизившись, палач ударил мечом святого по вые, но железо перегнулось, как воск, а тело святого не приняло удара; потому что он еще не окончил своей молитвы.

Воины в ужасе воскликнули:

– Велик Бог христианский!

И, упавши к ногам святого, просили:

– Молим тебя, раб Божий! помолись за нас, да отпустятся грехи наши, что мы сделали тебе по повелению царя.

Когда святой молился, послышался с неба голос, обращенный к нему и утверждающий переименование его; потому что Господь, вместо Пантолеона назвал его Пантелеимоном, явно сообщая ему благодать, чтобы миловать всех прибегающих к нему во всяких бедах и горестях – и призывал его Господь на небо. Святой, исполненный радости, повелел воинам, чтобы усекли его мечом; но те не хотели, потому что боялись и трепет напал на них. – Тогда святой обратился к ним с такими словами:

– Если вы не исполните порученного вам, не получите милости от Христа моего.

Воины приступили и сначала облобызали всё тело его; потом поручили одному – и он отсек мученику голову и вместо крови потекло молоко. Маслина же та с той минуты покрылась плодами с корня до вершины. Видя это, многие из народа, бывшего при усецинии, уверовали во Христа.

О чудесах, явленных тут, сообщено было царю, и он повелел немедленно маслину ту изрубить на куски и сжечь вместе с телом мученика.

Когда огонь погас, верующие взяли тело святого из пепла, неповрежденное огнем и похоронили с честью на близлежащей земле схоластика Адамантия.

Лаврентий, Вассой и Провиан, служившие при доме мученика, следовавшие за ним издали, видевшие все его мучения и слышавшие голос с неба, бывший к нему, написали повествование о жизни и мучениях его и передали святым церквам в память мученика, на пользу читающим и слушающим во славу Христа Бога нашего со Отцом и Святым Духом славимого, ныне и всегда и во веки веков. Аминь⁹.

Тропарь, глас 3:

Страстотерпче святыи и целебниче Пантелеимоне, моли милостивого Бога, да прегрешений оставление подаст душам нашим.

Кондак, глас 5:

Подражатель сый Милостиваго, и исцелений благодать от Него прием, страстотерпче и мучениче Христа Бога, молитвами твоими душевныя наша недуги исцели, отгоня присно борца соблазны от вопиющих верно: спаси ны, Господи.

² Вифиния – северо-западная область Малой Азии, лежащая по берегам Черного моря, Босфора и Константинопольского пролива. Страна эта известна с глубокой древности и свое название получила от Вифинов, переселившихся в нее из Фракии. Вифиния была живописна, плодородна и обильна скотом. В 546 г. до Р.Х. вифины подпали под власть Персов, но с 327 г. Вифиния опять стала самостоятельным государством; в 75 г. до Р.Х. Вифиния, по завещанию царя Никомида III, перешла к Римлянам, на правах самостоятельной провинции, управляемой особым проконсулом. Христианство в Вифинии появилось во времена апостольские (1 послание Ап. Петра гл. 1, ст. 1). Во время Плиния Младшего, правившего Вифинию, и императора Траяна (98-117 гг.) здесь было очень много христиан не только в городах, но селах и деревнях. При Диоклитиане (284-305 гг.) в Вифинии было страшное гонение на христиан. В IV и V веках Вифиния была особенно замечательна в церковном отношении: здесь было много церковных соборов по поводу различных ересей.

³ Никомидия – великолепный в древности город на берегу Пропонтиды или Мраморного моря.

⁴ Память их 28 декабря.

⁵ Память его 3 сентября.

⁶ См. житие его под 26 июля.

⁷ Знаменитые врачи древности.

⁸ Бог врачебного искусства.

⁹ Святой Пантелеимон был усечен 27 июля 305 года. В месяцеслове Василия говорится, что истекшие при усечении святого кровь и молоко хранились до X в. и подавали верующим исцеления; об этом говорится и в греческом стишном прологе XII в. Память св. Пантелеимона издревле особенно чтится на Востоке; церкви, во имя его построенные в Севастии армянской и в Константинополе, относятся к IV в. Мощи его перенесены были в Царьград; отсюда большая часть из перенесена в Париж в Сен-Дени, а глава якобы в Лион в 802 г., но русский паломник Антоний в 1200 г. видел главу его в Софии в Царьграде, а по свидетельству Стефана Новгородца (1350 г.) в XIV в. мощи св. Пантелеимона почивали во Влахернской церкви в Царьграде. Часть мощей находится ныне в Афонском Пантелеимоновом монастыре.

Память преподобной игумении Анфисы

Святая Анфиса (вернее – Анфуса) подвизалась в VIII веке, в странах мантинейских, в Азии. Оставив родительский дом, она подвизалась сперва уединенно, в пещерах. Встретив старца Сисиния, она продолжала подвиги по его наставлениям и настолько преуспела в духовной жизни, что 90 девиц вверили себя ее руководительству. Преподобная Анфиса пострадала за почитание святых икон. Супруге гонителя Константина Копронима она предсказала рождение мальчика и девочки. Последняя, под именем Анфусы, также прославилась своею святостью и воспоминается Церковью 12 апреля.

Равноапостольный Климент, архиепископ Охридский, Величкий (Болгарский)

Св. Климент Охридский (IX-X вв.) – продолжатель дела свв. равноап. Кирилла и Мефодия, первый епископ, служивший на славянском языке. Организовал систему подготовки славянских священнослужителей. До последних дней занимался переводами богослужебных текстов, включая Цветную Триодь. Считается основателем славянской духовной литературы, создавшим первые оригинальные произведения на церковнославянском языке. Почил в основанном им Пантелеимоновом монастыре в Охриде, где и был погребён.

По происхождению славянин, был учеником св. равноапостольных Мефодия († 885 г.; память 11/24 мая) и Кирилла († 869 г.; память 11/24 мая) и помогал святым

братьям в деле просвещения славянского народа и в их борьбе за чистоту православия в Моравии. После изгнания из Моравии славянские исповедники свв. Ангеляр, Климент и Наум прибыли в Болгарию, где их встретили с почетом и просили ввести богослужение на славянском языке. Просветители сразу же приступили к изучению славянских книг, собранных болгарской знатью.

Вскоре св. Ангеляр скончался, а св. Климент получил назначение учительствовать в Кутмичивице – области в юго-западной Македонии. В Восточной Церкви на должность учителя избирался человек достойный, известный своей благочестивой жизнью и обладавший даром слова. Св. Климент еще в Моравии был в чине «стоявших на степени учителей».

В Болгарии св. Климент исполнял должность учителя до 893 г. Он организовал в первую очередь школу при княжеском дворе, достигшую высокого уровня в царствование Симеона, а в юго-западной Македонии создал школы отдельно для взрослых и детей. Св. Климент обучал детей грамоте. Общее количество его учеников было огромным: только избранных, принадлежавших к клиру, известно 3500 человек. В 893 г. св. Климент был возведен в сан епископа Дремвицы, или Велицы, а его место занял св. Наум.

Святитель Климент первым из болгарских иерархов стал служить, проповедовать и писать на славянском языке. Трудился святитель во славу Божию до глубокой старости, исполняя и епископское служение, и продолжая переводческую деятельность. Он мирно отошел ко Господу в 916 г. Тело святителя было погребено в основанном им Охридском Пантелеимоновом монастыре.

Святитель Климент считается первым славянским писателем. Он не только продолжил переводческое дело, начатое свв. Кириллом и Мефодием, но и оставил свои писательские труды – первые образцы славянской духовной литературы.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-kliment-ohridskij-velichskij-bolgarskij>

Тропарь святителя Климента, архиепископа Охридского, глас 4

Словесы наставил еси языки в веру Христову,/ дела же возвысил еси себе к Божественной жизни,/ святителю Клименте равноапостольне,/ чудеса сияя приступающим к тебе верно/ и знаменья озаряя Церковь преславно,/ сего ради честную твою память славим.

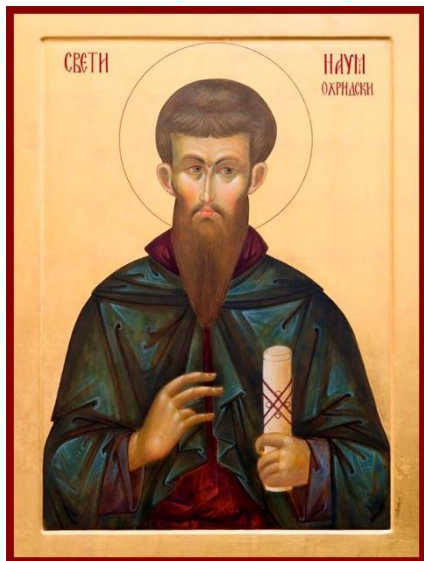
Ин тропарь святителя Климента Охридского, глас 4

Яко труба Архангела Божия/ оглашавши роди словенстии на вся веки/ и к чудеси преславному утверждения людей твоих в Православии/ прилагавши неизживаемо чудеса велия даже доныне./ Темже с любовью почитаем присночестную память твою,/ святителю Клименте равноапостольне, и молим:/ молися о душах наших.

Кондак святителя Климента Охридского, глас 3

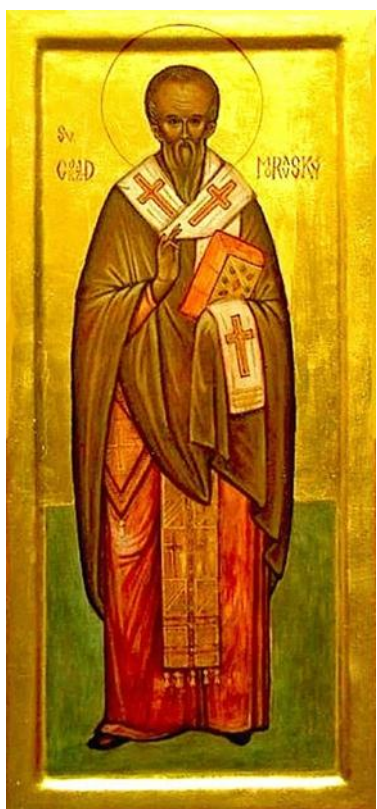
Храм твой, святе, врачество духовное/ преславно показуется верно приступающим,/ всех бо различных болезней избавляет,/ страсти же душ всяческия усыпает./ Сего ради тя, всеблаженне,/ тепла предстателя именуем.

Собор Святых Болгарских Равноапостольных Просветителей Климента Охридского, Наума, Саввы, Горазда и Ангеляра

Святые равноапостольные Климент, Наум, Савва, Горазд и Ангеляр, славяне по происхождению, были учениками святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей Словенских (память 11/24 мая), и помогали святым братьям в деле просвещения славянского народа и в их борьбе против латинских проповедников за утверждение Православия в Моравии. После кончины святителя Мефодия († 6 апреля 885 г.) по его благословению преемником на Моравской кафедре стал святой Горазд, уроженец Моравии и наиболее опытный из учеников святителя, прекрасно владевший греческим и латинским языками.

Святитель Горазд с усердием окормлял свою паству, и противники Православия – немецкое духовенство, много причинившие вреда святым Кириллу и Мефодию, начали против него и его сподвижников активную деятельность, пытаясь настроить против народ. Когда это не удалось, они оклеветали святителя Горазда и святых пресвитеров Климента, Наума (память 23 декабря (5 января), Савву и Ангеляря

перед моравским князем Святополком, обвинив в заговоре и в распространении ложного учения. Латинские миссионеры предъявили святым те же обвинения, которые они ранее выдвигали против их учителей равноапостольных Кирилла и Мефодия: в совершении богослужения на славянском языке, в переводе богослужебных книг и книг Священного Писания на славянский язык, в неверном, по их мнению, учении об исхождении Святого Духа и т. д. Святополк нашел святителя Горазда виновным и, так как сам в то время был занят войной, предоставил их противникам право суда над святителем и его помощниками. Латинские миссионеры, в течение многих лет безуспешно пытавшиеся искоренить Православие в Моравии, теперь торжествовали: началось жестокое гонение на православных. Святитель Горазд и святые пресвитеры, а также многие другие христиане были брошены в темницу. Через 80 дней после жестоких истязаний одних (в преклонном возрасте) изгнали из страны разными дорогами, чтобы разлучить между собой, других продали в рабство евреям. Посол византийского императора в Венеции Василий Македонянин выкупил на венецианском рынке некоторых из них и переправил в Константинополь. Изгнанные же разными путями отправились в Болгарию, где были с честью встречены болгарским князем Борисом (852–888; в крещении Михаил), утвердившим

христианство в Болгарии и собравшим при своем дворе людей благочестивых и просвещенных.

О пребывании святителя Горазда в юго-западной Болгарии свидетельствует список болгарских архиепископов 1156 года, где его имя упоминается между Мефодием и Климентом, а также храм и монастырь во имя святителя Берата в Албании, где под спудом почивают его мощи. Святитель Горазд скончался, очевидно, не позднее 986 года, так как в том году архиепископом Болгарии был поставлен святой Климент.

Вместе со святителем Гораздом в юго-западной Болгарии подвизался и святой Савва.

Святой Климент, изгнанный из Моравии, пришел в Болгарию вместе с другими исповедниками – святыми Наумом и Ангеляром. При первом же вступлении на Болгарскую землю они подверглись искушению. В селении на берегу Дуная святые решили отдохнуть после долгого пути. Им указали на дом страннолюбивого человека, где тяжело болел единственный сын хозяина. Не зная об этом, святые направились к дому, но когда вошли, юноша умер. Безутешный отец обратил свой гнев на странников, обвиняя их в чародействе и грозя отдать под суд. Святые, как могли, утешали скорбного отца, а затем стали молиться над умершим. По их молитве юноша воскрес.

В Болгарии святые Климент, Наум и Ангеляр некоторое время жили при дворе князя Бориса, утверждая в Православии знатных людей. Вскоре святой Ангеляр скончался и был погребен, очевидно, в Плиске – тогдашней столице Болгарии.

Через некоторое время князь Борис послал святого Климента просвещать болгар в Кутмичивице (область Македонии) и подарил ему при этом три дворца – в Деболе, около Охрид и около Главеницы.

Объезжая вверенные ему земли, святой Климент проповедовал слово Божие и крестил многих язычников. В каждом округе он оставлял учеников, подготовив их для дальнейшей проповеди святого Евангелия. Святого Климента никогда не видели праздным: он учил детей грамоте, много читал, писал книги, организовывал школы для детей и взрослых. В Охриде святой Климент основал монастырь во имя великомученика Пантелеимона.

Около 896 года (возможно, в 893 г.) при болгарском князе Симеоне (888–927) святой Климент был поставлен первым епископом-болгарином Велицы, где христианство существовало с VII века.

Святитель Климент неустанно заботился о просвещении своей паствы, вводил стройный порядок в богослужение. Он первым из болгарских иерархов стал служить, проповедовать и писать на славянском языке. На болгарском языке не было поучений на великие церковные праздники, и клирики, не знавшие греческий язык, зачастую не могли объяснить верующим их значение. Святитель Климент, по слову его жития, «сочинил слова простые и понятные на все праздники и стал для болгар вторым Павлом». В древнем житии также говорится, что в Болгарии не было плодовых деревьев. Святитель Климент выписал их из Греции и путем прививок с дикими деревьями вывел новые сорта, получившие распространение в Болгарии.

Господь прославил святителя Климента даром чудотворений. Однажды, по свидетельству современника, по пути из Главеницы в Охриду, святитель встретил двух расслабленных и слепого. Сжалившись над несчастными, он помолился Богу, а затем прикоснулся к больным, и те тотчас стали здоровы.

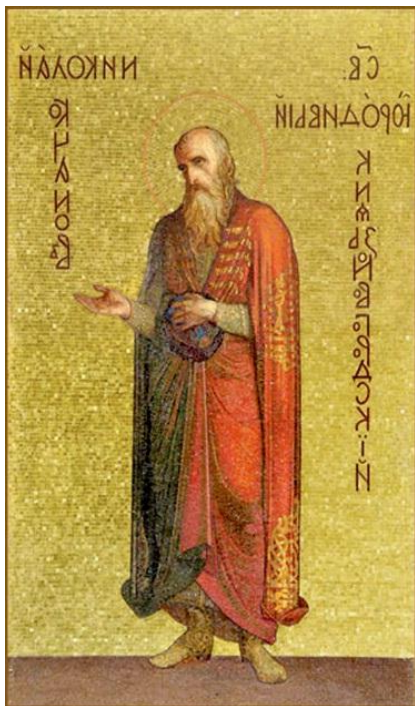
Незадолго до кончины, уже в глубокой старости, святитель Климент перевел на болгарский язык Триодь Цветную. Завещав свою библиотеку кафедре и основанному им Охридскому монастырю, святитель стал готовиться к смерти; он своими руками выкопал себе могилу справа от притвора Охридского монастырского храма. 27 июля 916 года епископ Величковский Климент мирно скончался и был погребен в подготовленном месте. По названию обители святитель Климент стал называться Охридским. Память святителя Климента Охридского установлена в день его тезоименитства – 25 ноября/8 декабря, когда прославляется святитель Климент, папа Римский.

Святой Наум был усердным помощником святителя Климента. На юго-восточной стороне Охридского озера он вместе со святителем Климентом основал монастырь на

средства князя Бориса. В этой обители святой Наум и был погребен. Святые мощи, хранящиеся под спудом, прославились чудотворениями: прикасаясь к гробнице святого, больные получают исцеление. В обители был построен каменный храм во имя святого Наума. Память его Святая Церковь совершает 23 декабря/5 января.

Соборная память болгарским просветителям – святителям Клименту и Горазду и святым пресвитерам Науму, Савве и Ангеляру – установлена в день кончины святителя Климента, 27 июля/9 августа.

Блаженный Николай Кочанов, Христа ради юродивый, Новгородский чудотворец (+ 1392)

Дни памяти

*21 июня (переходящая) - Собор Новгородских святых
9 августа*

Блж. Николай Кочанов (XIV в.) – новгородский юродивый, происходивший из знатной семьи. Отказавшись от богатства, принял подвиг юродства, скитаясь по городу в рубище. Прославился мнимой враждой с блаженным Феодором, другим новгородским юродивым, демонстрируя этим бессмысленность междоусобиц. Однажды перешел реку Волхов как по суше, бросив в Феодора кочан капусты (отсюда прозвище "Кочанов"). Обладал даром прозорливости и чудотворений – известен случай с исчезновением вина на пиру, куда его не пустили. Скончался в 1392 году, похоронен у Иаковского собора.

Родители св. блаженного Николая были богатые новгородские горожане Максим и Иулиания. Жили они на Софийской стороне. Мать его почитается в Новгороде праведной; почивала она до наших дней под спудом, и над могилой ее была сооружена часовня. В день ее памяти, 21 декабря, там служилась торжественная панихида. Скончалась она в 1384 г., незадолго до сына. Понятно, что такая мать сумела вложить в сердце сына любовь к Богу и ближнему и научить его молитве. В детстве он не любил играть, а став взрослым, избегал общества своих веселых сверстников. Благочестивого юношу многие стали почитать, но этого он больше всего боялся, и это его заставило взять на себя крест юродства Христа ради. Он не оставил Софийскую сторону, но стал жить на улице, в бедной одежде, босой, притворяясь потерявшим рассудок. Питался он только милостыней. Не все понимали его путь, многие оскорбляли его, но блаженный все терпеливо сносил. Больше всего любил он быть в церкви, часто бывал у горожан и поучал их спасению, заблудших вразумлял, а печальных утешал.

Раз был такой случай: один вельможа пригласил его на пир. Посланным блаженный сказал: «Как Богу угодно, так да будет» — и пошел с ними. Но когда он пришел, хозяина не было, и слуги, которые ничего не знали, его выгнали, и он ушел, говоря: «Пусть будет так, как Бог хочет!» Между тем оказалось, что вино непонятным образом исчезло из бочек. Тогда благочестивый боярин, которому сказали о проступке слуг его, послал лучших из них испросить прощения блаженного и привести его опять на пир. Он ответил: «Как Богу угодно, так да будет!» — и пошел с ними. Встретив его, боярин поклонился ему до земли,

ввел в дом, посадил за стол и сказал: «Блаженный Никола, прости мне согрешение слуг моих и благослови внести пития». — «Пусть будет так, как ты хочешь!» — отвечал блаженный. Хозяин сам пошел со слугами в погреб, и бочки оказались полными вина, причем это вино оказалось лучше прежнего. Блаженный велел скрыть это чудо до его смерти и незаметно ушел из дома.

Жил он, как уже сказано было, на Софийской стороне, а на Торговой стороне жил другой Христа ради юродивый, блаженный Феодор (память его 19 янв.). Обе эти стороны враждовали друг с другом, и доходило до того, что противники сбрасывали друг друга с моста в Волхов. Усмиряло их только появление среди них архиепископа, который осенял их святым крестом. Чтобы образумить своих сограждан и показать им всю бессмысленность и греховность подобной борьбы, оба блаженных вели между собой притворную войну. Часто один из них приходил нарочно на чужую сторону, а другой блаженный непременно его прогонял. Раз один боярин пригласил к себе на Софийскую сторону блаженного Феодора. Тот ответил: «Ни за что не пойду туда — там живет злой Никола, он непременно побьет меня!» Но все-таки пошел. Но как только он появился на Софийской стороне, на него напал блаженный Николай со словами: «Как ты смеешь приходить ко мне на эту сторону?» Спасаясь от него, блаженный Феодор бросился к Волхову и побежал прямо по воде. Но блаженный Николай стал догонять его тоже по воде. Оба бежали по воде. Наконец блаженный Николай остановился и бросил вдогонку св. Феодору кочан капусты. Феодор подхватил его, а блаженный Николай кричал: «Феодор, отдай кочан, он мой, не твой!» Случай с кочаном повторялся не раз, и блаженного Николая прозвали Кочановым.

Скончался блаженный 27 июля 1392 г., в один год со своим сподвижником Феодором. Похоронили его в храме Св. великомученика Пантелеймона, переименованном потом в Николо-Кочановский. С могилы его сначала брали песок, а потом и воду, которая освящается в великие праздники. Особенно часты были исцеления детей. Был такой случай: некто Никифор дал некоторое количество денег взаймы своему другу Исааку. По неграмотности Никифора подписался за него пономарь Иоанн. Но затем Исаак отказался от долга и объявил, что Иоанн был подкуплен Никифором. В отчаянии Иоанн стал молиться блаженному Николаю. Ночью святой явился ему и сказал: «Не огорчайся и не бойся ничего! Иди завтра к судьям, Бог тебя оправдает. Исаак сознается перед всеми в том, что он оклеветал тебя!» Иоанн повиновался. Три дня защищался Исаак. Наконец, побуждаемый упреками людей, знавших правду, он всенародно покаялся в своем грехе.

Монахиня Таисия. Русские Святые.

Тропарь блаженного Николая Кочанова, глас 8

Терпением своим и мужеством/ Христа ради во юродство претворився, блаженне Николае,/ худость ризную имея,/ тягость вара дневнаго понесл еси/ и мразы зимныя терпел еси./ И ныне, в Вышних Троице предстоя,/ нам, приходящим с верою к ране мощей твоих,/ исцеление подаеши, твое усмение честно славящим,/ и молиши Христа Бога спастися душам нашим.

Ин тропарь блаженного Николая Кочанова, глас 8

Горняя мудрствуя,/ свято жителствуя и славы мира отбегая,/ юродство Христа ради избрал еси, блаженне Николае,/ и ныне, в Вышних Троице предстоя,/ нам, честную память твою славящим/ и с верою к ране мощей твоих приходящим,/ исцеление подаеши/ и молиши Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак блаженного Николая Кочанова, глас 4

Яко Андрея блаженнаго ученик и наследник был еси,/ того же стопам последуя, юродиве Николае Кочанов,/ и паки от мирския чади уничижение и пхание приемля,/ о ихже согрешениях Христу Богу моляся./ По честнем же твоём успении Великий Новград имать мощи твоя в себе,/ яко неистощимое сокровище,/ подаеши бо исцеление/ с верою к раке мощей твоих приходящим/ и успение твоё честно славящим.

Святитель Иоасаф (Скрипицын), митрополит Московский

Дни памяти

19 июля - Собор Радонежских святых

9 августа

18 октября - Собор Московских святителей

Свт. Иоасаф (Скрипицын) происходил из дворянского рода, принял постриг в Троице-Сергиевой Лавре, где стал игуменом в 1529 году. Он крестил будущего царя Ивана Грозного и постриг в монашество перед смертью его отца, великого князя Василия III. В 1539 году избран митрополитом Московским, но из-за противодействия бояр Шуйских, творивших беззакония, был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, где продолжал трудиться над исправлением богослужебных книг. Скончался 27 июля 1555 года, мощи его почивают в Троице-Сергиевой Лавре. Прославился как ревнитель православия и исправитель церковных текстов.

Святитель Иоасаф (Скрипицын), митрополит всея Руси. Принадлежал к известному с сер. XV в. роду Скрипицыных, вероятно, детей боярских¹. Некоторые родовые вотчины Скрипицыных перешли к Троицкому монастырю в качестве вкладов. По всей видимости, будущий митрополит принял постриг в Троицкой обители. Иоасаф отмечен в актах 1526/27 г. как старец, участвовавший в межевании монастырских земель в Переславском и Московском уездах².

В 1529 г. митр. Даниил поставил Иоасафа игуменом Троице-Сергиева монастыря. Очевидно, новый настоятель пользовался особым доверием вел. кн. Василия III Иоанновича. 4 сент. 1530 г. Иоасаф крестил новорожденного наследника – Иоанна IV Васильевича. 3 нояб. 1533 г. на Московском подворье Троицкого монастыря вместе с прп. Даниилом Переславским Иоасаф крестил 2-го сына вел. князя – Юрия. Согласно летописной Повести о болезни и смерти Василия III, 3 дек. 1533 г. смертельно больной вел. князь обратился к приехавшему в столицу Иоасафу с просьбой, не уезжая из Москвы, молиться «о земском строении, и о сыне моем Иване, и о моем согрешении»³. Иоасаф участвовал в монашеском пострижении вел. кн. Василия III перед его кончиной, совершенном митр. Даниилом. Автор Похвального слова Василию III характеризует Иоасафа как «мужа повсюду добродетелна и в всякой вещи беззасорна»⁴.

¹ Среди свидетелей закладной кабалы, данной ок. 1447–1455 старцу Троице-Сергиева монастыря Геронтию (Лихареву) Васюком Ногой Есиповым, упоминается Казак Скрипицын – АСЭИ. Т. 1. С. 448. № 465

² Акты Рус. гос-ва: 1505-1526 гг. М., 1975. № 300. С. 299; № 302. С. 300-301

³ БЛДР. 2000. Т. 10. С. 36

⁴ Розов Н. Н. Похвальное слово вел. князю Василию III // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 285

В февр. 1534 г. был пересмотрен и подтвержден ряд льготных грамот Троице-Сергиеву монастырю (не менее 24). С.М. Каштанов показал, что при выдаче монастырю грамот на земли, входившие ранее в удел Дмитровского кн. Юрия Ивановича, арестованного в 1534, привилегии монастыря были существенно сокращены⁵. В 1536 г. грамотой от имени вел. кн. Иоанна IV было запрещено отягощать излишними работами троицких крестьян в Переславском уезде⁶. В 1537 г. Иоасаф обратился с просьбой к вел. князю о запрете торговли у киржачского в честь Благовещения Пресв. Богородицы жен. монастыря, прошение было удовлетворено⁷. В кон. 1538 г. Троицкому монастырю было возвращено отобранное Василием III право беспошлинной ловли рыбы в Переславском оз. Осенью 1538 г. Иоанн IV посетил Троице-Сергиев монастырь в сопровождении бояр Шуйских.

2 февр. 1539 г. митр. Даниил был сведен с кафедры боярской группировкой во главе с кн. И.В. Шуйским. При избрании нового митрополита были выдвинуты 3 кандидата: Феодосий, игум. Варлаамиева Хутынского монастыря, Иона (Собина), архим. Чудова в честь Чуда Арх. Михаила в Хонех монастыря, и Иоасаф. 5 февр. состоялось избрание первосвященника по жребию в московском Успенском соборе. 6 февр. Иоасаф как нареченный глава Церкви был введен на митрополичий двор, 9 февр. поставлен митрополитом. Сохранился чин поставления Иоасафа⁸, а также его «Исповедание веры»⁹. Возглавивший интронизацию митрополита Новгородский архиеп. св. Макарий дал при этом Иоасафу «повольную» грамоту. На поставлении присутствовали епископы Тверской и Кашинский Акакий, Рязанский и Муромский Иона, Коломенский и Каширский Вассиан (Топорков), Сарский и Подонский Досифей, Вологодский и Пермский Алексей. Иоасаф стал 2-м после митр. Симона (1495–1511) троицким игуменом, возведенным на Московский первосвященнический престол.

Исследователи (А.А. Зимин, И.И. Смирнов) полагали, что новый митрополит был поставлен благодаря князьям Шуйским, распоряжавшимся делами при малолетнем Иоанне IV, как сторонник нестяжательской идеологии. Враждебность Иоасафа по отношению к иосифлянам историки видели в назначении Иоасафом епископами игуменов сев. («заволжских») монастырей, а также в замечаниях Иоасафа о решениях Стоглавого Собора (см. ниже). Дополнительным свидетельством симпатии Иоасафа к нестяжателям может служить то обстоятельство, что при нем улучшилось положение осужденного Соборами 1525 и 1531 гг. прп. Максима Грека. В марте 1539 г. Иоасаф поставил 3 архиереев: на Ростовскую архиепископскую кафедру Досифея, игум. Кириллова Белозерского в честь Успения Пресв. Богородицы монастыря, на Суздальскую кафедру Ферапонта, настоятеля Ферапонтова Белозерского в честь Рождества Пресв. Богородицы монастыря, на Смоленскую кафедру Гурия (Заболоцкого), игум. Мефодиева Пешношского во имя свт. Николая Чудотворца монастыря. До 2 июля 1542 г. с Коломенской кафедры был сведен Вассиан (Топорков). Следует отметить поставление митрополитом в диаконы, затем в священники и назначение настоятелем Симонова Нового московского в честь Успения Пресв. Богородицы монастыря книгописца Исаака Собаки, который при митр. Данииле был осужден вместе с прп. Максимом Греком. Предварительно Иоасаф написал Даниилу, жившему на покое в Иосифовом Волоколамском в честь Успения Пресв. Богородицы монастыре, с просьбой разъяснить, «что Исакова ересь», и получил от него грамоты¹⁰. По мнению Зимина, все эти мероприятия свидетельствовали о том, что Иоасаф был «откровенным противником иосифлян»¹¹. Известна единственная грамота Иоасафа Иосифову Волоколамскому монастырю, выданная 12 июня 1539 г. Она не является актом

⁵ Каштанов С.М. Социально-полит. история России кон. XV – 1-й пол. XVI в. М., 1967

⁶ ААЭ. Т. 1. № 182. С. 154

⁷ АИ. Т. 1. № 138. С. 200

⁸ ААЭ. Т. 1. № 184. С. 158-161

⁹ Там же. С. 161-162

¹⁰ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971. С. 130-132, 138

¹¹ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и соц.-полит. борьба в России, кон. XV–XVI в. М., 1977.

большого значения: грамота подтверждает замену пошлины в митрополичью казну с церкви в принадлежавшем монастырю с. Бужарове Дмитровского у. оброком¹².

В 1540 г. из Ржева в Москву для поклонения были принесены чудотворные иконы «Одигитрия» (Ржевская Оковецкая икона Божией Матери) и Честного Креста, их встречали Иоасаф с освященным собором, вел. князь и Боярская дума. Перед этим митрополит соборно рассмотрел сведения о чудесах, происшедших от новоявленных икон¹³. На месте сретения чудотворных образов по повелению Иоанна IV был заложен храм, для которого вел. князь приказал написать копии икон. Появление святынь в Москве, возможно, было связано с возвращением по просьбе Иоасафа вел. князем митрополичьему дому отобранной ранее части Ржевской десятины¹⁴.

В 1540 г. Иоасаф ходатайствовал перед Иоанном IV за кн. И.Ф. Бельского, князь был освобожден и возвращен в Боярскую думу. В 1541 г. по просьбе И.Ф. Бельского Иоасаф «печаловался» о брате последнего кн. С.Ф. Бельском, в 1534 г. бежавшем из страны и с 1537 г. находившемся у крымского хана. Ходатайства митрополита вызвали гнев противника Бельских кн. И.В. Шуйского, который «на митрополита и на бояр учал гнев дръжати и к великому князю не ездити... и промеж бояр велик мятеж бысть»¹⁵. 20 дек. 1540 г. по ходатайству Иоасафа и членов Боярской думы вел. князь освободил из тюрьмы своего двоюродного дядю св. кн. Дмитрия Андреевича Угличского. В дек. 1540 г. по печалованию Иоасафа были освобождены из заточения двоюродный брат царя удельный старицкий кн. Владимир Андреевич с матерью кнг. Евфросинией Андреевной. Летом 1541 г., во время нашествия крымского войска на Москву, Иоасаф служил молебны в Успенском соборе. На совете в великокняжеских палатах первосвященник высказался за то, чтобы государь и его брат Юрий оставались в Москве ради их безопасности. По мнению Иоасафа, малолетние князья не могли собрать войско для защиты столицы, как это делали взрослые государи.

Согласно житию прп. Даниила Переславского, в 1540 г. в Переяславле-Залесском были открыты мощи св. кн. Андрея Смоленского. На это было получено благословение митрополита. Однако позднее Иоасаф обвинил прп. Даниила в самовольстве, это очень огорчило старца, и он предрек, что Иоасаф недолго пребудет на первосвященном престоле¹⁶.

В результате дворцового переворота, совершившегося 2 янв. 1542 г., к власти вновь пришел кн. И.В. Шуйский, а кн. И.Ф. Бельский, которого в борьбе боярских группировок при дворе, очевидно, поддерживал Иоасаф, был арестован. Согласно «Летописцу начала царства», представляющему офиц. летописание за 1533–1552 гг., кн. И.Ф. Бельского «государь у себя в приближении держал и в первосоветниках да митрополита Иасафа. И бояре о том вознегодоваша на князя Ивана и на митрополита, а митрополиту Иоасафу начаше безчестие и срамоту чинити великую»¹⁷. Иоасаф оставил митрополичий двор и перешел на Троицкое подворье, куда были посланы дети боярские «с неподобными речьми», едва не убившие предстоятеля Церкви. Вскоре Иоасаф был выслан в Кириллов Белозерский монастырь. Царь Иоанн IV позднее писал: «Да и митрополита Иосафа с великим бесчестьем с митрополии согнаша»¹⁸. Митр. св. Макарий отметил в духовной грамоте, что Иоасаф «остави митрополию Рускую и отойде в Кирилов монастырь, в молчальное житие»¹⁹. В «Повести о большом пожаре», созданной по повелению митр. Макария, говорится, что бояре согнали со стола митрополитов Иоасафа и Даниила,

¹² АФЗХ. Ч. 2. № 56. С. 57

¹³ Сказания и повести о святых чудотворных иконах / Предисл.: [архим. Леонид (Кавелин)] // РА. 1881. Кн. 2. С. 10

¹⁴ АФЗХ. Ч. 3. № 58. С. 98

¹⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 132–133, 136–137

¹⁶ Смирнов С. И. Житие прп. Даниила, Переяславского чудотворца. М., 1908. С. 62–67

¹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 141

¹⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Изд. подгот.: Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. М., 1993. С. 77

¹⁹ АИ. Т. 1. С. 329. № 172

«праведне учащих и обличающих их». В царском архиве хранился «список, как митрополит Асаф сшел с митрополыи»²⁰.

Находясь в Кирилловом Белозерском мон-ре, Иоасаф давал в обитель щедрые вклады: «...обложил по деисусу икону Пречистыя Богородицы, образ окладу 11 рублей, да денег 100 рублей, да 30 золотых больших по 40 алтын, да 10 золотых угорских по 20 алтын, два кубка серебряные, шуба соболья, опашень, 2 камки на ризы, да наряду на ризы денег 12 рублей, 20 ширинок, 10 рублей на келью, две книги Евангельския Беседы в десть, да на Пролог 3 рубля; и всего дачи его денег опричь кубков серебряных, и шубы собольи, и опашня, и камок, и ширинок, и книг на 165 рублей»²¹. Имя бывш. митрополита было включено в монастырский синодик²². Известны более скромные вклады Иоасафа в Троице-Сергиев монастырь, сделанные вскоре после его низведения с кафедры: «санник сер» (12 февр. 1542), «3 чарки серебряны гладкие, а третья с образцы, венцы золочены» (28 марта того же года), Евангелие в бархатном переплете с драгоценными камнями²³. В 1542 г. Иоасаф дал вкладом «на память своей души» в московский Успенский собор список Иерусалимского устава кон. XV–XVI в.²⁴

К сер. 40-х гг. XVI в. Иоасаф вернулся в Троице-Сергиев монастырь²⁵. В 1548 г. митр. Макарий обратился к Иоасафу, чтобы получить объяснение реабилитации архим. Чудова монастыря Исаака Собаки после осуждения его на Соборе в 1531 г. В февр. 1549 г. Исаак Собака был вторично осужден Собором²⁶.

В 1551 г. в Троицкий монастырь для Иоасафа привезли на отзыв постановления Стоглавого Собора. «Царское и соборное послание к бывшему митрополиту Иасафу и иже с ним» является 99-й гл. соборных материалов. Ответ Иоасафа составляет 100-ю, завершающую главу. То, что замечания Иоасафа были включены в памятник в качестве отдельной главы, не может не свидетельствовать о значительном авторитете бывш. митрополита. Иоасаф дал оценку некоторым постановлениям Собора, оговорил ряд особых случаев, выходящих за рамки соборных решений. Бывш. первосвятитель выступил против частого участия в богослужениях мирян, поскольку необходимо «в миру разсужати чины царския и нужи людския». Иоасаф считал необходимым ограничить деятельность десятильников (сборщиков церковных пошлин) городами, без посылки их в волости, десятильники должны быть подотчетны высшему духовенству. Он выступил за суд архиерея над духовенством по всем делам, писал о необходимости общей трапезы в монастырях (при этом старые и больные монахи, а также «люди великие», постригшиеся и давшие большие вклады в монастырь, могут есть и в своих келлиях), гостям монастыря также следует есть за общим столом (при этом Иоасаф сделал исключение для Троице-Сергиева монастыря, так как «туто так быти невместимо – безпрестани гость бывает и день, и ночь»). Иоасаф считал нужным объединить мелкие пустыни или приписать их к большому монастырю («в монастыри упокоити»). Выступал против «немастерского письма» иконописцев, просил организовать их обучение у «добрых мастеров». Предлагал дать льготы «пустым церквам», освободить крестьян от подати на выкуп пленных, советуя брать ее из казны архиереев и мон-рей. Иоасаф требовал, чтобы царь запретил бродяжничество молодых «робят», которые «свою волю деють, а мир соблажняют», а также «извести» скоморохов. В заключение Иоасаф просил царя добавить в рассказ о Соборе 1503

²⁰ Гос. архив России XVI ст.: Опыт реконструкции / Подгот. текста и коммент.: А.А. Зимин. М., 1978. Ч. 1. С. 691

²¹ Сахаров И.П. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // ЗОРСА. 1851. Т. 1. Отд. 3. С. 88

²² Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство 2-й четв. XVII в. СПб., 1897. Т. 1. Вып. 1. С. LXVIII

²³ ВКТСМ. С. 37

²⁴ ГИМ. Усп. № 23

²⁵ Бывш. митрополит назван в числе свидетелей во вкладной грамоте 1545/46 г.; см.: Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XVI–XVII вв. М., 1996. С. 118

²⁶ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971. С. 131

г. упоминание всех архимандритов, игуменов и старцев, принимавших в нем участие (в присланном ему списке был указан только прп. Иосиф Волоцкий), спросив о том старых бояр. Внесение своих замечаний в текст соборных решений Иоасаф оставляет на усмотрение царя – как ему «Бог положить на сердце».

В 1552 г. Иоасаф встречал в Троицком мон-ре возвращавшегося из победного похода на Казань Иоанна IV. В 1573 г. в послании в Кириллов Белозерский монастырь Иоанн IV нелестно отзывался о жизни бывшего митрополита в Троицком монастыре: «А Асаф что был митрополит, тот с Коровиными да меж себя браняться... Пригоже ли так в Кирилове быти, как Иасаф митрополит у Троицы с крылошаны пировал»²⁷.

Иоасафа следует отнести к числу выдающихся книжников своего времени. Известно о 43 книгах из библиотеки И., некоторые из них, как предполагается, были переписаны в скриптории митр. Даниила и попали к Иоасафу, когда он взошел на митрополичий престол. Мн. рукописи из библиотеки Иоасафа отличаются красивым письмом, а также внешним оформлением. Помимо книг Свящ. Писания и трудов отцов церкви, среди рукописей Иоасафа следует отметить 2 сборника житий²⁸, Киево-Печерский патерик²⁹, 2 списка Тактикона Никона Черногорца³⁰ и его же Пандекты³¹. В РГБ в фонде МДА находится принадлежавший Иоасафу список «Мерила праведного»³², в Сергиево-Посадском музее-заповеднике хранится принадлежавший Иоасафу лицевой Апостол³³. Часть рукописей для Иоасафа переписал выдающийся каллиграф и книжный художник Исаак Собака. Евангелие, начатое по благословию Иоасафа, он не успел закончить, так как первосвятитель был сведен с престола³⁴. Собираением книг Иоасаф занимался и в Кирилловой Белозерской обители: в библиотеке бывш. митрополита имеются автографы иноков этого монастыря Нила (Полева) и Гурия (Тушина)³⁵.

В книжном собрании святителя имелись книги с произведениями его современников, напр., «Круг миротворный», написанный по повелению Иоасафа новгородским свящ. Агафоном в 1540 г. Собственностью Иоасафа был сборник сочинений прп. Максима Грека, автором составленный и правленный³⁶. Сборник был создан в кон. 40-х – нач. 50-х гг. XVI в., когда преподобный жил вместе с Иоасафом в Троицком монастыре (оба скончались в обители в 1555)³⁷. Согласно наиболее раннему Сказанию о прп. Максиме, положение находящегося в заточении преподобного улучшилось, когда Иоасаф возглавил Церковь³⁸. По-видимому, только что составленный сборник сочинений был получен Иоасафом в Троицком мон-ре из рук автора. Иоасафу принадлежала рукопись с т. н. Иоасафовой летописью, созданной при митр. Данииле и послужившей одним из источников Никоновской летописи.

²⁷ Послания Ивана Грозного / Подгот. текста: Д.С. Лихачев, Я.С. Лурье; ред.: В.П. Адрианова-Перетц. М.; Л., 1951. С. 175, 178

²⁸ Арсений, иером. Описание слав. рукописей библиотеки Св.-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1878. Ч. 3. С. 47–49. № 684; С. 203–206. № 783

²⁹ Там же. С. 106–109. № 713

³⁰ Там же. Ч. 1. С. 346–350. № 211; С. 351. № 212

³¹ Там же. С. 342–345. № 210

³² Вздорнов Г.Н. Искусство книги в Др. Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – нач. XV вв. М., 1980. С. 57

³³ Спирина Л.М. Лицевые рукописи XVI в. из собрания Загорского музея-заповедника // Древнерус. и народное искусство: Сообщ. Загорского музея-заповедника. М., 1990. С. 88–89

³⁴ Серебрякова Е.И. Неизвестный памятник моск. миниатюры XVI в. из собр. Покровского собора // ПКНО, 1991. М., 1997. С. 134–135; Она же. Лицевое Евангелие писца Исаака из собр. ГИМ // Вопросы славяно-рус. палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987. С. 47

³⁵ Дмитриева. 1991. С. 309

³⁶ РГБ. МДА. Фунд. № 42

³⁷ Синецына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 161–175

³⁸ Там же. С. 149–150

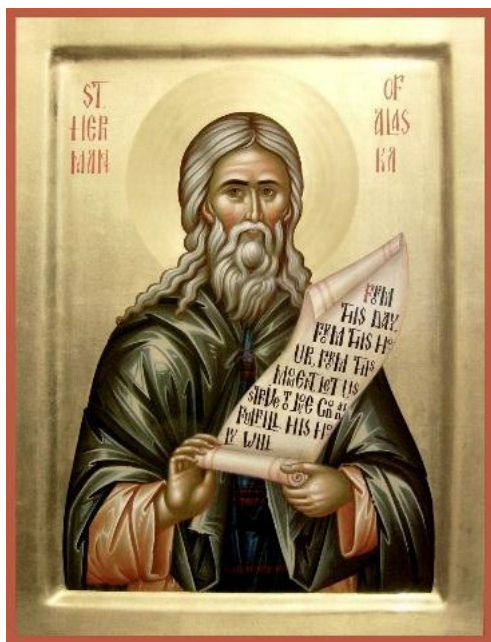
Прежде считалось, что Иоасаф написал Житие Новгородского архиеп. Серапиона³⁹, ныне эта т. зр. отвергнута⁴⁰. В Архангельском соборе Московского Кремля хранится чудотворная Иоасафовская Смоленская икона Божией Матери, которую ранее связывали с патриархом Иоасафом I (1634–1640)⁴¹. В последнее время установлено, что икона более древняя и она, скорее, может быть связана с Иоасафом.

Иоасаф был погребен в келлии прп. Сергия в Троице-Сергиевом монастыре⁴². В 2006 г. при проведении работ в Серапионовой палатке была обнаружена надгробная плита Иоасафа. В Валаамском синодике имеется запись рода Симеона Скрипицына, которая начинается с «митрополита-схимника Иоасафа»⁴³, что позволяет говорить о принятии бывш. митрополитом схимы перед кончиной. Память Иоасафа отмечена в Лаврском месяцеслове⁴⁴.

Канонизацией Иоасафа следует считать включение его имени в Собор Радонежских святых, празднование которому было установлено в 1981 г. по благословению патриарха Московского и всея Руси Пимена (Извекова). Святитель входит в Собор Московских святых, учрежденный в 2001 г. по благословению патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Шестого марта 2017 года, по благословению патриарха Московского и всея Руси Кирилла, имя святого митрополита Иоасафа также было включено в Собор Московских святителей.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-ioasaf-moskovskij-skripicyn>

Преподобный Герман Аляскинский

Дни памяти

23 июня - Собор Рязанских святых

9 августа - Прославление

24 августа (переходящая) - Собор Валаамских святых

26 декабря - Преставление

Прп. Герман Аляскинский (1757-1837) родился в Серпухове в купеческой семье. В 16 лет начал иноческий путь в Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом, затем перешел на Валаам, где 15 лет подвизался в уединении. В 1793 году отправлен миссионером на Аляску. После гибели главы миссии архимандрита Иоасафа (1799) стал духовным наставником новообращенных, защищал местных жителей от притеснений, за что называл себя "нянькой здешних народов". Жил в крайней простоте

на острове Еловый ("Новый Валаам"), обращая многих к вере. Скончался 13 декабря 1837 года во время чтения Деяний апостолов. Прославлен в 1970 году.

³⁹ Арсений, иером. Описание слав. рукописей. Ч. 1. С. 218

⁴⁰ см.: Моисеева Г.Н. Житие Новгородского архиеп. Серапиона // ТОДРЛ. 1965. Т. 21. С. 151

⁴¹ Поселянин Е. Богоматерь. С. 495–490

⁴² Список погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре от основания оной до 1880 г. М., 1880. С. 9. №

⁴³ Буганов В.И. К изучению Синодика опальных царя Ивана Грозного 1583 г. // Архив РИ. 1993. Вып. 3. С. 150

⁴⁴ [Смирнов С.К.] Церк.-ист. месяцеслов Св.-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1850. С. 15

Монах Герман происходил из купцов города Серпухова Московской губернии. С самых юных лет возымел он великую ревность к благочестию и шестнадцати лет от рождения пошел в монахи. Сначала поступил он в Троице-Сергиеву пустынь Санкт-Петербургской епархии. Будущий великий проповедник веры и благочестия с первых своих шагов по пути подвижническому отличался верою и большой любовью ко Христу. В Сергиевой пустыни он заболел: у него на горле образовался нарыв; опухоль быстро возрастала и обезобразила все лицо, боль была ужасная, весьма трудно было глотать, запах был нестерпимый. В таком опасном положении, ожидая смерти, молодой подвижник не обратился к земному врачу, но с горячею молитвою и со слезами припал он пред образом Царицы Небесной и, прося у Нее исцеление молился всю ночь, потом мокрым полотенцем отер лик Пречистой Владычицы и этим полотенцем обвязал опухоль, продолжая молиться. В изнеможении заснул он на полу и увидел во сне, что его исцелила Пресвятая Дева. Наутро просыпается, встает и к великой радости находит себя совершенно здоровым. К удивлению врачей, опухоль, не прорвав нарыва, разошлась, оставив о себе только малый след, как бы в воспоминание чуда.

Пять или шесть лет прожил отец Герман в Сергиевой пустыни и потом перешел в Валаамский монастырь. Всей душой полюбил он величественную пустынную Валаамскую обитель, полюбил незабвенного настоятеля ее, великого старца Назария, и всю братию. «Ваших отеческих мне, убогому, благодетелей, – писал он впоследствии отцу Назарию из Америки, – не изгладят из моего сердца ни страшные непроходимые сибирские места, ни леса темные, ни быстрины великих рек не смоют, ниже грозный океан не угасит чувств оных. Я в уме воображаю любимый мною Валаам, на него всегда смотрю через Великий океан».

Старца Назария в своих письмах величал он преподобнейшим, любезным своим батюшкой, а всю Валаамскую братию любезною и дражайшею. Пустынный Еловый остров, место своего жительства в Америке, назвал он Новым Валаамом. И, как видно, всегда находился в духовном общении со своею духовной родиной, ибо еще в 1823 году, следовательно, через тридцать лет пребывания своего в пределах американских, писал к преемнику отца Назария, игумену Иннокентию.

На Валааме отец Герман проходил разные послушания. Испытав его ревность в трудах общежития, мудрый старец отец Назарий отпустил его потом на жительство в пустыню. Пустыня эта находилась в густом лесу, версты полторы от обители; донныне местность та сохранила название «Германово». По праздникам приходил отец Герман из пустыни в монастырь и, бывало, на малой вечерне, стоя на клиросе, приятным тенором поет он с братией припевы канона «Иисусе сладчайший, спаси нас, грешных», «Пресвятая Богородица, спаси нас», а слезы градом льются из очей его.

Во второй половине XVIII столетия расширились пределы великой России на севере: деятельностью русских промышленников открыты были тогда Алеутские острова, составляющие на Великом океане цепь от восточного берега Камчатки до западного берега Северной Америки. С открытием островов обнаружилась священная необходимость – просветить светом Евангельским диких их обитателей. Для этого святого дела по благословению Святейшего Синода митрополит Гавриил поручил старцу Назарию избрать способных людей из братии Валаамской. Избрано было десять человек, в числе их и отец Герман. В 1794 году отправились избранники из Валаама к месту нового назначения.

Святою ревностию проповедников быстро разливался свет проповеди Евангельской между новыми сынами России: несколько тысяч язычников приняли христианство; заведена была школа для образования новокрещенных детей, выстроена церковь в месте жительства миссионеров. Но неведомыми судьбами Божиими общие успехи миссии были недолговременны. Через шесть лет после своей многопользной деятельности потонул вместе со своею свитою начальник миссии епископ Иоасаф, ранее его ревностный иеромонах Ювеналий сподобился мученического венца, прочие выбывали один за другим,

наконец остался один отец Герман, и ему благоволил Господь долее всех собратий потрудиться подвигом апостольским для просвещения алеутов.

Как уже было сказано, местом жительства отца Германа в Америке был остров Еловый, названный им Новый Валаам. Этот остров проливом в версты две отделяется от острова Кадьяк, на котором был построен деревянный монастырь для помещения миссии и устроена деревянная церковь во имя Воскресения Спасителя. Остров Еловый небольшой, весь покрыт лесом, почти посредине его сбегает в море маленький ручеек. Этот-то живописный остров и избрал для себя отец Герман, выкопал на нем своими руками пещеру и в ней провел первое лето. К зиме близ пещеры управляющая островами Компания выстроила для него келлию, в которой и жил он до смерти, а пещеру святой отец обратил в место своего могильного упокоения. Недалеко от келлии возвышались деревянная часовня и деревянный домик для посетителей и училищных занятий. Перед келией разбит был огород. На огороде сам копал он гряды, сажал картофель и капусту, сеял разные овощи. К зиме запасал грибы: солил и сушил их; соль приготавливал сам из морской воды или рассола. Плетеный короб, в котором носил старец с берега морскую капусту для удобрения земли, говорят, был так велик, что трудно было эту ношу поднять одному, а отец Герман, к великому удивлению всех, переносил ее без посторонней помощи на далекое расстояние. В одну зимнюю ночь ученик его, Герасим, случайно увидел его в лесу, идущего босиком с таким большим деревом, которое под силу нести четверым. Так трудился старец, и все, что приобретал таким безмерным трудом, все то употреблял на пропитание и одежду для сирот – его воспитанников и на книги для них.

Одежда отца Германа была одна зимою и летом. Рубашки холстяной он не носил, ее заменяла оленья кухлянка, которую он по восьми лет не снимал и не переменил, следовательно, шерсть на ней вся вытиралась и кожа залоснивалась. Потом сапоги или башмаки, подрясник, ветхая, полинялая, вся в заплатках, ряса и клобук – вот и все его одевание. В этой одежде он ходил везде и во всякую погоду: и в дождь, и в снежную метель.

Постелью ему служила небольшая скамья, покрытая оленьей, вытершейся от времени шерстью, изголовье – два кирпича, которые под голою шкурой оставались незаметными для посетителей: одеяла не было, его заменяла деревянная доска, лежавшая на печке. Эту доску сам отец Герман назвал своим одеялом, завещав ею покрыть его смертные останки, она была совершенно в рост его. «В бытность мою в келлии отца Германа, – говорил креол Константин Ларионов, – я, грешный, сидел на его постели и это считаю верхом моего счастья».

Случалось отцу Герману бывать в гостях у правителей Компании и в душеспасительных беседах с ними просиживать до полуночи и даже за полночь, но ночевать он никогда не оставался, несмотря на ни какую погоду, всегда уходил к себе в пустыню. Если же по какому-либо особенному случаю и нужно было ему ночевать вне келлии, то утром всегда находили постель, постланную для него, совершенно нетронутую, а старца не спавшим. Точно так и в своей пустыни, проводя ночь в беседе, не предавался он отдохновению.

Ел старец весьма мало. В гостях чуть отведывал какого-либо кушанья и оставался уже без обеда. В келлии очень малая часть небольшой рыбы или овощей составляла весь его обед.

Тело его, изнуренное трудами, бдением и постом, сокрушали пятнадацифунтовые вериги. Эти вериги в настоящее время находятся в часовне, где за образом Божией Матери найдены они были после смерти старца, как говорят одни, или оттуда они сами выпали, поясняют другие.

Описанные черты жизни старца касаются прежде всего внешнего его делания. «Главное же его дело, – вспоминал преосвященный Петр, бывший епископ Ново-Архангельский, викарий Камчатской епархии, – было упражнение в подвигах духовных, в уединенной келлии, где никто его не видел, и только вне келлии слышали, что он пел и совершал богослужение по монашескому правилу».

Такое свидетельство преосвященного подтверждает и ответ самого отца Германа. На вопрос: «Как вы, отец Герман, живете один в лесу, как не соскучитесь?» он отвечал: «Нет, я там не один. Там есть Бог, как и везде есть Бог! Там есть Ангелы, святые! И можно ли с ними скучать? С кем же лучше и приятнее беседа, с людьми или с Ангелами? Конечно, с Ангелами!»

Как смотрел отец Герман на туземных жителей Америки, как понимал свое отношение к ним и как сочувствовал их нуждам, выражает он сам в одном из писем к бывшему правителю колонии Яновскому.

«Любезному нашему Отечеству, – писал он, – Творец будто новорожденного младенца дать изволил край сей, который не имеет еще ни сил к каким-нибудь познаниям, ни смысла, требует не только покровительства, но по бессилию своему и слабости ради младенческого возраста – самого поддержания; но и о том самом не имеет он еще способностей кому-либо сделать свою просьбу. А как зависимость сего народного блага Небесным Провидением, неизвестно до какого-то времени отдана в руки находящемуся здесь русскому начальству, которое теперь вручилось вашей власти, сего ради я, нижайший слуга здешних народов и нянька, от лица тех пред вами ставши, кровавыми слезами пишу вам мою просьбу. Будьте нам отец и покровитель. Мы всеконечно красноречия не знаем, но с немотою, младенческим языком говорим: «Отрите слезы беззащитных сирот, прохладите жаром печали тающие сердца, дайте разуть, что значит отрада!»

Как чувствовал старец, так и поступал. Предстательствовал он всегда перед начальством за провинившихся, защищал обвиняемых, помогал нуждавшимся чем только мог, и алеуты обоего пола и дети их часто посещали его. Кто просил совета, кто жаловался на притеснение, кто искал защиты, кто желал помощи – каждый получал от старца возможное удовлетворение. Разбирал он их взаимные неприятности, старался всех мирить, особенно в семействах заботился восстановить согласие. Если не удавалось помирить мужа с женой, старец на время разлучал их. Необходимость такой меры он сам объяснял так: «Пусть лучше врозь живут, да не дерутся и не бранятся, а то, поверьте, страшно, если не развести: были примеры, что муж убивал жену или жена изводила мужа». Особенно любил отец Герман детей, наделял их сухариками, пек им крендельки, и малютки ласкались к старцу. Любовь отца Германа к алеутам доходила до самоотвержения.

На корабле из Соединенных Штатов занесена была на остров Ситху, а оттуда на остров Кадьяк повальная заразная болезнь оспа. Она начиналась жаром, сильным насморком и удушьем и оканчивалась колющим; в три дня человек умирал. Не было на острове ни доктора, ни лекарств. Болезнь, разливаясь по селению, быстро охватила окрестности. Смертность была так велика, что некому было копать могилы, и тела лежали не зарытыми. Во все время этой грозной болезни, продолжавшейся с постепенным умалением целый месяц, отец Герман, не щадя себя, неутомимо посещал больных, увещевал их терпеть, молиться, приносить покаяние или приготавливал их к смерти.

Особенно старался старец о нравственном преуспевании алеутов. С этою целью для детей-сирот алеутских устроено было им училище, где отец Герман сам учил их Закону Божию и церковному пению. С этою же целью в часовне близ его келлии в воскресные и праздничные дни собирал он алеутов для молитвы. Здесь часы и разные молитвы читал для них ученик его, а сам старец читал Апостол, Евангелие и устно поучал прихожан, пели же его воспитанницы, и пели очень приятно. Любили алеуты слушать наставления отца Германа и во множестве стекались к нему.

Увлекательны были беседы и с чудною силою действовали они на слушателей. Об одном из таких благодатных впечатлений своего слова пишет он сам. «Слава судьбам святым Милостивого Бога! Он непостижимым Своим Промыслом показал мне ныне новое явление, чего здесь на Кадьяке я, двадцать лет живши, не видал. Ныне, после Пасхи, одна молодая женщина, не более двадцати лет, по-русски хорошо говорить умеющая, прежде совсем меня не знавшая, пришла ко мне и, услышав о воплощении Сына Божия и о вечной жизни, столько возгорела любовью к Иисусу Христу, что никак не хочет от меня отойти, но

сильною просьбою убедила меня, против моей склонности и любви к уединению, несмотря ни на какие предлагаемые от меня препятствия и трудности, принять ее, и более уже месяца у меня живет и не скучает. Я с великим удивлением смотрю на сие, поминая слова Спасителя: что утаено от премудрых, то открыто младенцам». Эта женщина жила у старца до его смерти. Она наблюдала за благонаравием детей, учившихся в его училище, и он, умирая, завещал ей жить на Еловом и, когда она скончается, похоронить ее при его ногах. Звали ее София Власова.

Вот что писал о характере и силе бесед старца Я., один из очевидцев: «Мне было тридцать лет, когда я встретился с отцом Германом. Надо сказать, что я воспитывался в Морском корпусе, знал многие науки, много читал, но, к сожалению, науку из наук, т. е. Закон Божий, едва понимал поверхностно и только теоретически, не применяя к жизни, и был только по названию христианин, а в душе и на деле – вольнодумец, атеист. Тем более я не признавал божественности и святости нашей религии, что перечитал много безбожных сочинений Вольтера и других философов XVIII века. Отец Герман тотчас заметил это и пожелал меня обратить. К великому моему удивлению, он говорил так сильно, умно, доказывал так убедительно, что, мне кажется, никакая ученость и земная мудрость не могли бы устоять против его слов. Ежедневно мы беседовали с ним до полуночи, и даже за полночь, о любви Божией, о вечности, о спасении души, христианской жизни. Сладкая речь неумолкаемым потоком лилась из его уст... Такими постоянными беседами и молитвами святого старца Господь совершенно обратил меня на путь истины, и я сделался настоящим христианином. Всем этим я обязан отцу Герману, он мой истинный благодетель».

«Несколько лет тому назад, – вспоминал Я., – отец Герман обратил одного морского капитана Г. из лютеранской веры в православие. Этот капитан был весьма образован; кроме многих наук, он знал языки: русский, немецкий, английский, французский и несколько испанский, и за всем тем он не мог устоять против убеждений и доказательств отца Германа – переменял свою веру и присоединился к православной церкви через миропомазание. Когда отъезжал он из Америки, старец при прощании сказал ему: „Смотрите, если Господь возьмет вашу супругу у вас, то вы никак не женитесь на немке, если женитесь на немке, она непременно повредит ваше православие“. Капитан дал слово, но не исполнил его. Предостережение старца было пророческим. Через несколько лет, действительно, умерла жена у капитана, и он женился на немке, оставил или ослабил веру и умер скоропостижно без покаяния».

«Однажды пригласили старца на фрегат, пришедший из Санкт-Петербурга. Капитан фрегата был человек весьма ученый, высокообразованный, он был прислан в Америку по высочайшему повелению для ревизии всех колоний. С капитаном было до двадцати пяти человек офицеров, также людей образованных. В этом-то обществе сидел небольшого роста, в ветхой одежде, пустынный монах, который своею мудрою беседою всех образованных собеседников своих привел в такое положение, что они не знали, что ему отвечать.

Сам капитан рассказывал: «Мы были безответны, дураки пред ним!» Отец Герман сделал им всем один общий вопрос: «Чего вы, господа, более всего любите и чего бы каждый из вас желал для своего счастья?»

Посыпались разные ответы. Кто желал богатства, кто чинов, кто красавицу-жену, кто прекрасный корабль, на котором он начальствовал бы, и так далее в этом роде.

«Не правда ли, – сказал отец Герман, – что все ваши разнообразные желания можно привести к одному, что каждый из вас желает того, что, по его понятию, считает он лучшим и достойным любви?»

«Да, так» – отвечали все.

«Что же, скажите, – продолжал он, – может быть лучше, выше всего, всего превосходнее и по преимуществу достойнее любви, как не сам Господь наш Иисус Христос, Который нас создал, украсил такими совершенствами, всему дал жизнь, все содержит,

питает, все любит, Который Сам есть любовь и прекраснее всех человеков? Не должно ли же поэтому превыше всего любить Бога, более всего желать и искать Его?»

Все заговорили: «Ну, да! Это разумеется! Это само по себе!»

«А любите ли вы Бога?» – спросил тогда старец.

Все отвечали: «Конечно, мы любим Бога. Как не любить Его?»

«А я, грешный, более сорока лет стараюсь любить Бога, а не могу сказать, что совершенно люблю Его», – возразил им отец Герман и стал объяснять, как должно любить Бога. «Если мы любим кого, – говорил он, – мы всегда поминаем того, стараемся угодить тому, день и ночь наше сердце занято тем предметом. Так же ли вы, господа, любите Бога? Часто ли обращаетесь к Нему, всегда ли помните Его, всегда ли молитесь Ему и исполняете Его святые заповеди?».

Должны были признаться, что нет.

«Для нашего блага, для нашего счастья, – заключил старец, – дадим себе обет, что по крайней мере от сего дня, от сего часа, от сей минуты будем мы стараться любить Бога уже выше всего и исполнять Его святую волю!»

Вот какой умный, прекрасный разговор вел отец Герман в обществе. Без сомнения, этот разговор должен был запечатлеться в сердцах слушателей на всю их жизнь!

Вообще отец Герман был словоохотлив, говорил умно, дельно и назидательно, более всего о вечности, о спасении, о будущей жизни, о судьбах Божиих. Много рассказывал из житий святых, из Пролога, но никогда не говорил ничего пустого. Так приятно было его слушать, что беседующие с ним увлекались его беседою и нередко только с рассветом дня нехотя оставляли его, свидетельствует креол Константин Ларионов.

Чтобы несколько выразить самый дух учения отца Германа, мы приведем слова собственноручного письма его. «Истинного христианина, – писал он, – делают вера и любовь ко Христу. Грехи наши нисколько христианству не препятствуют, по слову Самого Спасителя. Он изволил сказать: не праведныя приидох призвати, но грешныя спасти. Радость бывает на Небеси о едином кающемся более, нежели о девяноста праведниках. Также о блуднице, прикасающейся к ногам Его, фарисею Симону изволил говорить: имеющему любовь, многий долг прощается, а с не имеющего любви и малый долг взыскивается». Этими и подобными им рассуждениями христианин должен приводить себя в надежду и радость, и отнюдь не внимать наносимому отчаянию; тут нужен щит веры.

Грех любящему Бога не что иное, как стрелы от неприятеля на сражении. Истинный христианин есть воин, продирающийся сквозь полки невидимого врага к Небесному своему отечеству, по апостольскому слову: отечество наше на Небесах. А о воинах говорит: «несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем» (Еф.6:12).

Пустые века сего желания удаляют от отечества, любовь к тем и привычка одевают душу нашу как будто в гнусное платье; оно названо от апостолов «внешний человек». Мы, странствуя в путешествии сей жизни, призывая Бога в помощь, должны гнусности той совлекаться, а одеваться в новые желания, в новую любовь будущего века и через то узнавать наше к Небесному отечеству приближение или удаление, но скоро сего сделать невозможно, а должно следовать примеру больных, которые, желая любезного здравия, не оставляют изыскивать средств для излечения себя. Я говорю не ясно».

Ничего не искав для себя в жизни, давно уже, при самом прибытии в Америку, по смирению отказавшись от сана иеромонаха и архимандрита и оставшись навсегда простым монахом, отец Герман без малейшего страха пред сильными ревновал всем усердием по Боге. С кроткою любовью обличал он многих в нетрезвой жизни, недостойном поведении и притеснении алеутов, и все это – невзирая на чины и звания.

Обличаемая злоба вооружилась против него, делала ему всевозможные неприятности и клеветала на него. Клеветы были так сильны, что часто даже люди благонамеренные не могли заметить той лжи, которая в доносах на отца Германа скрывалась под покровом наружной правды, и поэтому должно сказать, что только один Господь сохранял старца.

Правитель колоний Я., еще не увидев отца Германа и только по одним наговорам на него, писал в Петербург о необходимости его удаления, объясняя свое прошение тем, будто он возмущает алеутов против начальства. Священник, приехавший из Иркутска с большими полномочиями, наделал отцу Герману много огорчений и хотел отправить его в Иркутск, но правитель колоний Муравьев защитил старца. Другой священник, М., прибыл на Еловый остров с правителем колоний И. и служителями Компании обыскивать келлию отца Германа, предполагая найти у него большое имущество. Когда не нашли ничего ценного, вероятно, с дозволения старших, служитель Пономарьков стал топором выворачивать половые доски. «Друг мой, – сказал тогда ему Герман, – напрасно ты взял топор, это орудие лишит тебя жизни». Через короткое время потребовались люди в Николаевский редут, и поэтому из Кадьяка послали туда русских служителей, в числе их Пономарькова. Там-то и сбылось предсказание отца Германа: кенайцы ему, сонному, отрубили голову.

Много великих скорбей понес отец Герман и от бесов. Это он сам открыл своему ученику Герасиму, когда тот, войдя к нему в келлию без обычной молитвы, на все вопросы свои не получил ответа и на другой день спросил его о причине вчерашнего молчания. «Когда я пришел на этот остров и поселился в этой пустыне, – отвечал ему тогда отец Герман, – много раз бесы приходили ко мне как будто для надобностей то в виде человеческого, то в виде зверей, тогда я много потерпел от них и разных скорбей, и искушений, поэтому-то я теперь и не говорю с теми, кто войдет ко мне без молитвы».

Посвятив себя совершенно на служение Господу, ревнуя единственно о прославлении Его Всесвятого Имени, вдали от родины, среди многообразных скорбей и лишений, десятки лет проведя в высоких подвигах самоотвержения, отец Герман был сподоблен от Господа многих благодатных даров.

Среди Елового острова по горе сбегает ручей, устье которого всегда покрыто бурунами. Весной, когда появлялась речная рыба, старец отгребал песок из устья, чтобы можно было пройти рыбе, и рвущаяся на нерест рыба устремлялась в реку. Сушеною рыбою кормил отец Герман птиц, и они во множестве обитали около его келлии. Под келлией у него жили горностаи. Этот маленький зверек, когда ощенится, недоступен, а отец Герман кормил его из рук. «Не чудо ли это мы видели?» – говорил его ученик Игнатий. Видели также, что отец Герман кормил медведей. Со смертью старца и птицы, и звери удалились, даже род его не давал никакого урожая, если кто самовольно держал его, утверждал Игнатий.

Однажды на Еловом острове сделалось наводнение. Жители в испуге прибежали к старцу, тогда он взял из дома своих воспитанников икону Божией Матери, вынес ее, поставил на мели (лайде) и стал молиться. По окончании молитвы, обратившись к присутствующим, сказал: «Не бойтесь, далее места, где стоит святая икона, не пойдет вода». Исполнилось слово старца. Затем, обещая такую же помощь от святой иконы и на будущее время заступлением Пренепорочной Владычицы, поручил он ученице своей Софье в случае наводнения ставить икону на лайду. Икона эта хранится на острове.

Барон Ф.П. Врангель по просьбе старца писал под его диктовку письмо одному из митрополитов (имя его осталось неизвестно). Когда письмо было окончено и прочитано, старец поздравил барона с чином адмирала. Изумился барон: это для него была новость, которая действительно подтвердилась только через долгое время, при выезде его в Петербург.

"Жаль мне тебя, любезный кум, – говорил отец Герман правителю Кашеварову, у которого он принимал от купели сына, – жаль, смена тебе будет неприятная!" Года через два Кашеваров был связан во время смены и отправлен на остров Ситху.

За год до получения в Кадьяке известий о смерти высокопреосвященного митрополита (имя его неизвестно), отец Герман говорил алеутам, что их большой духовный начальник скончался.

«Часто говорил старец, что в Америке будет свой архиерей, тогда как об этом никто и не думал, – рассказывал преосвященный Петр, – но пророчество это в свое время сбылось».

«После смерти моей, – говорил отец Герман, – будет повальная болезнь, и умрет от нее много людей, и русские объединят алеутов».

Действительно, кажется, через полгода по его кончине было оспенное поветрие, смертность от которого в Америке была поразительная: в некоторых селениях оставалось в живых только по несколько человек. Это побудило колониальное начальство объединить алеутов. Тогда из двадцати алеутских селений образовалось семь.

«Хотя и много времени пройдет после моей смерти, – говорил отец Герман, – но меня не забудут, и место жительства моего не будет пусто. Подобный мне монах, убегающий славы человеческой, придет и будет жить на Еловом, и Еловый не будет без людей».

«Миленький, – спрашивал отец Герман креола Константина, когда тому было не более двенадцати лет от роду, – как ты думаешь, часовня, которую теперь строят, останется ли втуне?» «Не знаю, апа», – отвечал малютка. «Я, действительно, – говорил Константин, – не понял тогда вопроса, хотя весь разговор со старцем живо запечатлелся в моей памяти». Старец же, несколько помолчав, сказал: «Дитя мое, помни, что на этом месте со временем будет монастырь».

«Пройдет тридцать лет после моей смерти, все живущие теперь на Еловом острове перемрут, ты останешься жив и будешь стар и беден, и тогда вспомнят меня», – говорил отец Герман ученику своему, алеуту Игнатию Алиг-яге.

«Когда я умру, – говорил старец своим ученикам, – вы похороните меня рядом с отцом Иоасафом. Моего быка убейте; мне довольно послужил. Похороните же меня одни и не рассказывайте о моей смерти в гавань: гаваньские не увидят моего лица. За священником не посылайте и не дожидайтесь его: не дождетесь. Тела моего не обмывайте, положите его на доску, сложите на груди руки, закутайте в мантию, ее воскрылиями и клобуком покройте мое лицо и голову. Если кто пожелает проститься со мной, пусть целует крест, лица моего никому не показывайте. Опустив на землю, покройте меня бывшим моим одеялом».

Приближалось время отшествия старца. В один из дней приказал он ученику своему Герасиму зажечь свечи пред иконами и читать Деяния апостольские. Через некоторое время лицо его просияло и он громко произнес: «Слава Тебе, Господи!» Потом, приказав прекратить чтение, объявил, что Господу было угодно еще на неделю продлить его жизнь.

Через неделю опять по его приказанию были зажжены свечи и читали Деяния святых апостолов. Тихо преклонил старец свою голову на грудь Герасима, келлия наполнилась благоухания, лицо его просияло, и в то же мгновение отца Германа не стало. Так блаженно почил он сном праведника на восемьдесят первом году своей многотрудной жизни, 13 декабря 1837 года.

Несмотря на предсмертную волю отца Германа, ученики его не решились хоронить старца, не дав о том знать в гавань; неизвестно почему не убили они и быка. Посланный с печальной вестью возвратился из гавани, сообщив, что правитель колонии Кашеваров запретил хоронить старца до его приезда. Там же, в гавани, был заказан для усопшего лучший гроб, который должен был доставить на Еловый священник. Но все эти распоряжения были противны воле почившего. И вот подул страшный ветер, полил дождь, сделалась ужасная буря. Невелик был переезд из гавани на Еловый, всего часа два пути, но никто не решался пуститься в море в такую погоду. Так было целый месяц, и все это время тело отца Германа лежало в теплом доме его воспитанников, лицо его не изменилось и от тела не было ни малейшего запаха.

Наконец с опытным стариком Козьмою Училищевым был доставлен гроб; из гаваньских никто не приехал, и жители острова одни предали земле бранные останки своего старца. Та исполнилось последнее желание отца Германа. Бык отца Германа на другой день по его смерти ударился головой о дерево и свалился на землю мертвый.

В самый день смерти старца в селении Катани на Афогнаке виден был над Еловым необыкновенный светящийся столб до неба. Пораженные чудесным явлением креол Герасим Вологдин и жена его Анна стали молиться со словами: «Видно, отец Герман

оставил нас». Этот светящийся столб видели и другие. В тот же вечер в другом селении на Афогнаке видели человека, поднимавшегося к облакам над Еловым островом.

Похоронив старца, ученики поставили над его могилой простой деревянный крест. Позже на этом месте был воздвигнут храм, освященный во имя преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев.

Видев славную подвигами жизнь отца Германа, видел его чудеса, видел исполнение его пророчеств и, наконец, его блаженное усение, «все местные жители, – свидетельствует преосвященный Петр, – вполне уверены в его богоугодности».

В 1842 году, через шесть лет по преставлении старца, плывя морем на Кадык и находясь в крайней опасности, высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Камчатский и Алеутский, возрев на остров Еловый, сказал в уме своем: «Если ты, отец Герман, угодил Господу, то пусть переменится ветер!» И точно, не прошло кажется и четверти часа, рассказывал впоследствии высокопреосвященный, как ветер сделался попутным, и они благополучно пристали к берегу. В благодарность за избавление архиепископ Иннокентий сам отслужил на могиле блаженного панихиду.

В 1867 году один из аляскинских епископов составил записку о житии преподобного Германа и о случаях чудотворения по его молитвам, которые еще долго после его блаженной кончины записывались доброхотами. Впервые житие преподобного Германа было опубликовано на Валааме в 1894 году. В 1927 году русский архимандрит Герасим (Шмалец) прибыл на остров Еловый и остался там до конца своих дней. В 1952 году им были составлены житие и акафист преподобному, а через семь лет им же мощи преподобного Германа были открыты и перенесены в специально построенную небольшую часовню.

9 августа 1970 года, на день памяти святого великомученика и целителя Пантелеимона, на острове Кадыке было совершено прославление преподобного Германа. Определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 1 декабря 1970 года имя преподобного Германа Аляскинского было включено в месяцеслов. В 1984 году преподобный Герман прославлен вместе со всеми сибирскими святыми. Его изображение есть на общей иконе сибирских святых.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-german-aljaskinskij>

Тропарь преподобного Германа Аляскинского, глас 7

Звездо пресветлая Церкви Христовы,/ на севере просиявшая,/ вся к Царствию Небесному
путеводящая,/ учителю и апостолу истинныя веры,/ предстателю и заступниче гонимых,/
украшение изящное Святыя Церкви во Америке,/ преподобне отче Германе Аляскинский,/
молися ко Господу, Спасу нашему,/ спастися душам нашим.

Ин тропарь преподобного Германа Аляскинского, поемый во Америке, глас 3

Преподобне отче наш Германе,/ первый светильниче, в земли нашей просиявый,/
приносим вси тебе похвалы сия,/ ты же, яко имея дерзновение ко Господу,/ буди нам
заступник и утешитель/ и Церкви наша покровитель дивный,/ да вси со умилением зовем
ти:/ радуйся, отче наш Германе, Аляски и всея Америки преславный чудотворче.

Кондак преподобного Германа Аляскинского, глас 3

Свет вечный Христа Спаса нашего/ ты на путь евангельский во Америку настави,/
возвестити весть о мире евангельскую./ Днесь Престолу Славы предстоя,/ молися о стране
твоей и людех ея,/ о мире всего мира/ и спасении душ наших.

Ин кондак преподобного Германа Аляскинского, глас 8

Валаама постриженник честный, возлюбленный Божия Матери бывый, ревнитель подвигов древних, подвижник новый, молитву, яко копие и щит, приемый, страшен демоном и тьме языческой ставый, Германе преподобне, моли Христа Бога спасти души наша.